

Мартиша Риш

Попал!

2

В хорошие руки

Лазейка-портал

Мартиша Риш

**Попал! В хорошие
руки. Лазейка-портал 2**

«Литнет»

2025

Риш М.

Попал! В хорошие руки. Лазейка-портал 2 / М. Риш — «Литнет», 2025

Незнакомец предложил мне сделку. И я уже вхожу в его дом женой, конечно, фиктивной, знакомлюсь с сынишкой. Всё, лишь бы только утром вернуться домой, в родной Питер, прижать к груди дочь, опять погрузиться в ворох хлопот и тетрадей. А ночью ... Я вернусь сюда вновь. Таков договор, но лишнего я себе не позволю. Нельзя мне, у меня на Земле и свекровь, и мужчина, который как будто меня любит, и дочка. Куда же я без нее? А сюда везти ее страшно. Да и фиктивный муж не позволит. Дочка спрашивает, откуда у нас на столе взялось яйцо игуаны. Свекровь интересуется, с какой помойки я принесла элитный сыр редчайшего сорта. Так в своей жизни я ещё не лгала никогда. Яйцо решено высиживать на батарее. Ну не говорить же им про темного лорда? Главное, чтоб он сам к нам на кухню не заглянул. Узнать бы откуда у него эти клыки... #вампир#от ненависти до любви#вампир# мать подростка _____ Самостоятельная книга по вселенной «Дом-портал. Мне его подарили» Дети-подростки

© Риш М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	31
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Светлана Ивановна

Я - ведьма! Да нет у меня никаких там клычков. Всего лишь женщина, наделенная особым даром, не больше.

Дрожащими руками я открыла портал к себе в квартиру. Почему-то так получилось, что не на кухню, а сразу в прихожую. Утро еще только разгорается за окном, если повезет, дочь не заметит, что я вернулась. Сбросила иномирное платье, оно парусом обрушилось к моим ногам. Торопливо накинула на плечи домашний халат. Повезет, никто не заметит, что меня носило по другим мирам. Нужно скорей собираться, торопиться на работу. Душ, костюм, туфли на каблуке. Ох, что мне выскажет завуч! Жуткая жуть!

И я все еще ощущаю пальцы Оскара на своей талии, обжигающие, горячие, его жадный взгляд, мягкое прикосновение. Такое пугающее и такое желанное. Черт! Как же так все вышло? И что теперь будет, вот что самое главное. На шее сияет след от клыков вампира, две крошечных дырки-прокола, и прямо под ухом, на жилке. Они почти не видны, легко будет прикрыть прической, завуч ни за что не заметит.

Куда страшнее другое - то, что я поддалась соблазну, почти была готова отдаться красавцу, собственному мужу, если подумать. Никто бы меня там не осудил. Мы же состоим в браке, обряд прошёл по всем правилам, его сын называет меня своей матерью. Чудесный мальчик этот Анджел. И только щеки у меня горят все сильнее и сильнее

Зачем только я позволила случиться такому? Да разве спрашивал меня муж перед тем, как дотронулся до руки? Нет! Вот в том-то и дело. И крик поднять было совсем невозможно. У меня бы попросту не хватило сил вырваться, гости сбежались бы. Что бы я им сказала тогда?
 Вот только как объяснить Оскару, что продолжения не будет, что у меня может быть только один настоящий муж. И пока это – Ванька, человек из моего родного мира. Каким бы он ни был, предавать я его не хочу. Пусть хоть сто лет мы не были, и очевидно, не будем женаты, а все равно. Я не предательница, и не лгуныя. Либо я расстанусь с Ваней, и только потом что-то возникнет между мной и вампиром, либо нет. Иначе не будет.

И все-таки не пойму, как так вышло, что я осталась жива? Почему он вообще на меня напал, впился клыками? И что теперь ждёт меня? Может, я тоже стану вампиршей? Или как принято говорить? Женщиной-вамп? Вампирессой? Вечная жизнь, неизменная красота, необходимость пить кровь. Так-то звучит довольно неплохо, если бы не последний пункт. Опять же, клыки, как я с такими появлюсь на работе? Садитесь дети, достаём двойные листочки! Кто будет списывать, того... Достаточно будет мило улыбнуться милым же деткам. Только вот завуч не оценит моей новой внешности.

Я вздохнула. В темноте прихожей я вдруг различила белую женскую кофточку с меховой оторочкой на вороте. Она висит на крючке прямо под счетчиком, рядом с оборкой старинной лепнины. И так чудно гармонирует с ней. Будто бы в нашу питерскую квартирку внезапно наведалься настоящая барышня прошлой эпохи. В нос ударил запах женских духов. У дочери такой кофты не было, да и духи она почти никогда не использует.

Я потянулась, сняла кофточку с вешалки, раскинула на руках. Нет, вещь точно не Анькина. Дочка у меня худенькая, тонкая, как воробушек. Эта вещь совершенно другого размера. Как такое может быть? А вон там в уголке брошены туфли и тоже белые, еще и на высоком

каблуке. У меня таких никогда не было, да и быть не могло. Откуда? Размер уж точно не мой, это даже на глаз видно.

На негнувшихся ногах я перешагнула через шелк своего платья, прокралась, точно воровка, по коридору, толкнула дверь в нашу с мужем спальню. Роскошная блондинка развернулась ко мне боком. Обнаженная, стройная. Ваня прижался к ней всем своим телом, короткий ежик волос топорщится. Ещё только вчера я гладила его по этим жестким волосам. В груди стало невыносимо больно, я мгновенно согрелась, захотелось кричать, бросаться вещами. Неужели он мне изменил?

Столько лет жили душа в душу, а теперь что выходит? Закончилась моя семейная жизнь. И зачем я только терпела его мать, мою недосвековью? Знала же, что если мужчина тебя любит, он никогда не даст своей матери вести себя так! Магия хлынула в пальцы, комната наполнилась светом, кусок лепнины оторвался от потолка, завис над любовниками. Убью! Нет, тогда лучше не будет уже никому. Мне так точно. Совесть загрызёт. Ваня потянулся к девице, приобнял ее, зарылся лицом в безбрежное море длинных волос. Кусок лепнины так и висит, а по моим щекам текут слезы. Горькие слёзы обиды за столько прожитых лет с человеком, которому я и не нужна была вовсе.

- Светуль, что же это выходит? Ты где была? - раздался голос из-за спины. Я резко обернулась.

- Ваня? А там...кто?

- Братеньник приехал с женой. Я им постелил здесь. Хотел, чтоб ты помогла. Сунулся в комнатку, тебя позвать, а тебя нет. Что ж это получается?

- Да я на минутку к соседке поднялась. Ну, к той, что этажом выше живёт. Ей нехорошо было, и я вот помогла. Засиделась немного.

- Устала, бедная, совсем ты себя не бережешь.

Ваня обнял меня за плечи, прижал к себе, уткнулся лицом в мои волосы. Отчего же так дико колотится мое сердце? Ведь я любимого не предала, и он меня тоже. Пара влюбленных завопилась в нашей постели. Даже не проснулись, уф! Вот только лепнина нехорошо висит над головой "Вани". Я взглядом попыталась отодвинуть ее к стене. Не вышло. Кусок гипса сам опустился на пол чуть позади кровати. Фух!

- Пойдем, не будем мешать.

- Знаешь, я так испугался, что ты меня бросила, - прошептал Ваня, обнял сильнее, - Думал –все, нет тебя больше. Обиделась и ушла. Как представил, так чуть не умер от горя. Понял, как сильно люблю. За цветами сбегал, полы намыл, окна протер. Думаю, вдруг да придёт, хоть чем-то пораду. Я за эти два часа весь извёлся. Размышлял, долго думал. О тебе, о себе, о дочке твоей все думал. Понял для себя столько всего! Что тебе ведь и вправду непросто. Увольнялась бы ты с работы, а? Ну не дело это все. Дом запустила, мама моя тобой недовольна, Анька бесится, все ей не так. Нужно, чтобы ты больше дома бывала. Увольняйся, Светочка.

- Ты шутишь? А зарабатывать кто будет?

- Уж как-нибудь проживем. Свадебку сыграем. Давно пора.

Я словно очнулась. Столько лет ждала этого предложения. Терпела все попреки. Терпела, когда Ваня говорил мне, что взял меня с ребенком, будто бы из милости. А ведь он сам пришел в мой дом. С пустыми руками пришел! Мать его только машину простенькую нам подарила. Так я на ней, считай, и не езжу. Зачем мне теперь это все? В том мире у меня муж есть. Пусть фиктивный, пусть даже вампир, пускай мы не любим друг друга... Наверное. Но только там меня никто и ничем попрекнуть не смеет. Там я – хозяйка дома, достойная женщина, жена, мачеха, попросту ведьма.

- Знаешь, не хочу, - сказала я.

Ваня от меня отстранился, в глаза посмотрел тем самым взглядом, каким смотрит голодная дворняга, когда ее гонят от будки. Вот только дворнягу мне жалко, а его нет.

- Ты чего? Мама к нам переберется. Ту квартиру будем сдавать. Проживем. Я подработку возьму.

- Нет, Ваня. Я не хочу.

- У тебя кто-то есть? Я же придушу и его, и тебя! Никому не достанешься! То-то я думаю, напмадилась, постройнела, волосы подвила! Для кого все это?

- Просто он заботится обо мне.

- Кто он?

- Мой муж. Убирайся.

- Убью! - громкий крик, перочинный нож возле моего горла. Дочка спит в соседней комнате. Гости зашевелились на нашей постели. Незваные гости! Меня никто не предупреждал о том, что они приедут.

- Пошел к черту!

- Ты меня любишь! Ты не можешь так! Я твоей дочери отцом стал!

- Нет, Вань. И замуж за тебя не пойду. Прости.

Хлопнули оконные рамы, распахнулись сами по себе. Из-под кровати, прямо под ноги Ване выкатился меховой шар с двумя горящими огоньками глаз. Любимый оступился, дрогнула рука, тонкая струйка тёплого потекла по моей шее.

- Светочка, что же это? Я не хотел!

Поднял на руки, начал качать, как маленькую, сам чуть не плачет. В груди любимого бухает его горячее сердце, будто бы хочет вырваться наружу. Брат Вани набирает какой-то номер.

- Скорая! Тут женщина, срочно приезжайте. Ванька, брат, что ж ты, гад, сотворил?

- Ничего не нужно. Это просто царапина.

И мне вновь тепло на его руках, и кровь уже не течёт. И хочется навсегда так и остаться прижатой к горячему сердцу. К сердцу, которое меня любит. Да только смогу ли прощать ему все теперь? После того, как почувствовала себя достойной. Достойной уважения другого.

- Мама! - Анютка выбежала к нам, растрепанная, ласковая, в простой длинной футболке до самых коленок.

- Уходи, дочур. Маме нехорошо. Я там на кухне оставил тебе подарок. Как ты хотела. Ночью сбегал за ним. Играйся.

Глава 2

Оскар

Стоит один раз попробовать то, что тебе абсолютно подходит и ты навсегда попадешь в полную власть этого. Можно сотню лет употреблять какой угодно сыр, но стоит один раз надкусить кулинарное чудо и все, ты пропал. Больше ни один другой сорт тебя не порадует так же. Пройдет еще полсотни лет, а ты все еще будешь нежить оттенок этого вкуса на языке. Точно так же с лошадьми, экипажами, сортами туалетной воды, выпечки. Чем дольше пробуешь жизнь, тем выше ценишь ее вкус, выбираешь во всем особенный для себя. Тот, что единожды только может случиться, тот, который запомнится тебя целиком.

И сегодня я познал женщину, особенный вкус ее крови, горьковатый, чуть сладкий, перекатывающийся на языке, немного трепещущий, рассыпающийся искрами, чтоб перелиться в другое – в мягкий бархат ванили и меда с легким тоном сливок в самом конце. И мне до сих пор кажется, что я не до конца распробовал этот вкус.

К щекам прилила кровь. Я представил, как лишу одежды, устрою на ложе эту женщину. Стану вдыхать ее запах, лелеять ее, ласкать бездыханное тело. Сегодня мне помешали гости поступить так, как я должен был поступить.

Яд, что хмельнее вина, ударил в голову, стоило только вспомнить позор этого вечера. Я укусил. Нагло, дерзко, без всякого спроса, пошел против ее воли, не заключил даже сделки. Точней, я получил полный отказ и пренебрег им. Поступил так, как поступает только безумец, подыхающий с лютого голода после месяцев воздержания.

Я же пил кровь не так и давно, нескольких дней не прошло, жажда ещё не должна чувствоваться так остро. Почему тогда мне так понадобилась кровь? Почему разум вышел из строя? Не понимаю! Может, все дело в том, что я нашел особенный сорт людской крови?

Анджел прошёл по гостинной, напряженно посмотрел на меня, не хотел бы я заметить на лице сына брезгливость! Благо сегодня и не увидел. Анджей просто насторожен, как и любой, кто присутствовал при том, когда вампир пил кровь своей жертвы. Почему я так заспешил? Нет, это бывает. И все же?

Мы, вампиры, древнейшая раса, куда древнее людей. Легенды гласят, будто бы первые вампиры появились из новорождённой тьмы, которая обуяла весь мир в момент его сотворения. Может, и врут эти легенды, а может, и нет. Да только тысячелетия назад был создан кодекс, некое понятие о жизни и смерти.

Две эти сестры ходят рука об руку друг с другом, не могут существовать одна без другой. Мы же, вампиры, что-то вроде посредников. Сами не мертвы и не живы, сердца наши дремлют, зато существовать мы можем целую вечность. Да только неспособны ощутить вкус жизни так просто.

Смерть из двух – неулыбчивая сестра, но ласковая. Она лишена всяческих чувств, на которые способен каждый, кто жил и живет, будь то зверь, человек или даже растение.

Жизнь же кипуча, непосредственна, вечно юна. Она щедро дарит подарки: ненависть, жадность, счастье, любовь – все то, что сама способна испытывать. Вечность становится пыткой без этих чувств. Жажда испытать их сводит с ума, она подобна голоду, только гораздо опасней, сильнее. Чистый разум слетает с крепежа догм и устоев в погоне за чувствами.

И только глоток жизни, всего один глоток крови жертвы меняет все. Он наполняет нас ощущениями, которые способны испытать другие, дарует блаженство. Ради него можно убить, растерзать, сотворить все, что угодно. Вечность становится благословением только тогда, когда ты способен испытать ее вкус на себе.

Но только, требуя от жертвы заключить сделку. перед тем, как ее укусить. Простую, пускай на словах, но заполучить согласие того, кто будет укушен. Выкупить глоток жизни. Это

немного, но плата за него велика – несколько капелек смертельного яда. И я, и другие вампиры, мы впрыскиваем совсем немного эликсира в кровь своих жертв. Их сердца замирают, тело становится едва ли чуточку холодней. Но и этого достаточно, чтоб заморозить жизнь, остановить ее бег, пусть немного и ненадолго, но все же.

Именно поэтому вампиры предпочитают женщин. Всего один едва заметный укус дает силу сохранить красоту на полную дюжину лет. Это не так уж и много, но какое удовольствие для женщины знать – все это время ее красота останется неизменной точно так же, как застывший во льду цветок. Ради такого не горько отдать полный глоток своей жизни.

Обычно яд начинает действовать сразу, женщина падает, словно замертво. Отсюда и возникло поверье, будто укус вампира несет неминуемую смерть. Это не так. Час или несколько часов женщина и вправду остается уязвимой, дыхание, биение сердца возвращаются к ней не сразу. И только потом она вновь распускается, будто совсем юная роза. Открывает веки, подобные лепесткам, тянется к солнцу. Все эти часы право вампира оставаться при жертве, беречь ее, баюкать в объятиях, ласкать, как правило, не переступая черты. Достаточно просто усадить ее у себя на коленях словно красивую куклу. Ждать, пока женщина оживёт, пока вновь проступит на её щеках румянец, и кровь разольётся по сердцу.

Таинство двух сестёр – жизни и смерти – должно оставаться в секрете. Иначе все может закончиться дурно, как это принято у людей. Девуцу и саму могут счесть вампирессой. И что тогда ее ждёт? Неминуемая смерть! Нет уж, гораздо надежнее скрыться под маской любовников. Снять гостиничный номер, а там будь, как будет. Некоторые подобные ночи приносили мне большее удовольствие, нежели глоток крови. Он был сладчайшим окончанием любовного ритуала, спелой вишней на торте страстных утех.

И я всегда следовал правилам! Всегда! Их для того и придумали, чтоб никто не брал крови жертвы без спроса! Но сегодня? Что со мной сотворила эта женщина! Слов приличных нет. Обворожила, очаровала, затуманила разум! И что теперь она сделает дальше? Да все, что захочет. Тем более, что у нее едва ли не дружба с эльтем. Нет, хуже, эльтем моей жены просто боится. Почему? Что с этой ведьмой не так?

Анджел прошел серой тенью по дому, остановился в свете окна. На моем мальчике лица нет, профиль его заострился, черты стали тоньше и, как будто бы, взрослей.

- Анджел, такова судьба. Нас такими сделали боги.

- Моя мачеха умерла? Ее больше нет? - бесстрастно спросил сын, а сам вцепился пальцами в подоконник. Совсем еще ребенок, только выглядит, как взрослый.

- Ты жалеешь ее?

- Она была доброй. Даже гувернера и того прогнала. А он так кричал.

Хрустальная слезинка прочертила полосу на белоснежной коже. Чувства! Невиданная роскошь, доступная только юнцам в таком немыслимом проявлении. Взрослые люди и то не способны испытывать их так запросто. Что уж говорит обо мне. Без чужой крови я превращаюсь в старого мертвеца, чье сердце не способно ничего слышать.

- Она жива, тебе не о чем беспокоиться. И уже вечером явится вновь. Я же рассказывал...

- Но такого быть просто не может. Я же сам видел! - сын обернулся, резким взглядом чуть не испепелил меня.

- И не раз еще увидишь после того, как случится инициация. Горячая кровь застынет каплями на твоих губах. Знаешь, эти капельки, они всегда остаются. Ты введешь в тело жертвы яд, и несколько капель, смешанных с ним, застынут, станут на ощупь как восковые. Они довольно забавно хрустят.

- А жертва?

- Испустит дух. Часа на три, не меньше. Оставишь ее где-нибудь полежать, сам устроишься рядом, подождёшь, пока очнется, придет в чувство. Только одно правило существует, сын. Правило чести нашего рода и нашей семьи.

- Какое? - встревожился Анджей.

- Никогда не смей прикасаться к женщине против ее воли, тем более, когда она лишена чувств. Дождись, пока девушка очнется и уж тогда... Или насладись до укуса ее любовью. Не смей поступать иначе, никогда тебе этого не прошу.

- Я понял, - он кивнул так решительно, будто бы взрослый, - И не опорочу нашей чести отец. Ты сам мне ее выберешь, мою первую жертву?

- Погоди еще год. Мы вместе выберемся на охоту один разок, другой, третий. Чтобы ты понимал, как устроен сам ритуал.

- Разве ты будешь ... искать других? Кроме моей мачехи, я имею в виду. Я читал, да и слышал, будто бы вампир может питаться только женой.

- Она убьет меня, сын. Никакая женщина в мире не станет терпеть того, чтобы ее муж регулярно пил ее кровь. Наша Светлана настоящая ведьма. В следующий раз я рискую остаться статуей в саду. Нет уж, ни к чему так рисковать. Тем более, у меня в меню уже есть баронесса, за образец ее крови я уже внес плату.

- Сколько крови за раз нужно выпить?

- Немного. Десертной ложки точно должно хватить.

Светлана Ивановна

Или в термометре села батарейка, или я при смерти. Тридцать два градуса – не слишком много. Хоть бы завучу на глаза не попасться. Кожа белая, глаза огромные. На шее с одной стороны два прокуса, с другой – след от ножа. И из зеркала на меня смотрит не приличная женщина, а какая-то к-хм.

- Светлана Ивановна? Вам идет. Вы тоже любите готику? –

Катюша из пятого "А" зашла в туалет. Ну правильно, это единственное место в школе, где вдоволь можно смотреться в громадное зеркало. Благо, я пока еще в нем отражаюсь.

- Так вот как это называется?

Я с некоторым сомнением принялась рассматривать свое отражение. Нет, ну следов от укуса так-то особо и не видно. А поверх царапины я густо намазала тональный крем. Жаль, что поверх души такой не намажешь! Как я теперь объясню все Ане? Как с Ваней поговорю? Он же на меня руку поднял! А такому мужчине в моей жизни точно нет места. И потом у меня дочь. Мало ли что. Нет, с Ваней обязательно нужно расстаться. Вот только как он это перенесет, и что мне скажет свекровь!

- Вам только стрелок на глазах не хватает. Дать карандаш?

- Нет, Катюша, не стоит. Спасибо тебе. Ты очень отзывчивая девочка.

Я погладила ребенка по голове. Потом поправила и свои волосы. Все они почему-то теперь у меня стоят дыбом. Ни в прическу их не собрать, ни в косу не заплести. Ходи, как хочешь, по школе.
 В туалет ворвалась методист. Глаза большие-большие, не к добру, это ясно. С Катюшей мы обе нервно вздохнули, совсем как две партизанки накануне допроса.

- К директору! Живо!

- Которая из? - спросила милая девочка обреченно.

- Светлана Ивановна! Вас вызывают, что тут неясного

Глава 3

Светлана Ивановна

Давно меня так не отчитывали! Ну просто, как девчонку! Впрочем, все претензии завуча свелись именно к этому. Я, как оказалось, выгляжу теперь неподобающе! Директор мне это прямо в лицо сказал, вот хам!

- Светлана Ивановна, когда вы к нам пришли, вы были похожи на сизую моль, дожжёвывающую последнюю нитку шерсти в старом комод. А теперь что? Что с вами случилось, я спрашиваю? Вы неприлично похорошели! Превратились в беспутного мотылька, просто других слов нет! Один шаг отделяет вас от титула ночной бабочки. Наши родители!

- Родители наших учеников, вы хотели сказать?

- Не пререкайтесь, вам не по статусу. Да, именно это я и хотел сказать. Так вот, родители наших учеников, точнее их мамы не потерпят красивую учительницу в школе. Тем более такую к-хм сексуальную, как вы! Я не побоюсь этого слова. И полетят письма в разные отделы. Вы понимаете это?

- Если честно, то не очень.

- Да любая жена охраняет своего мужа так, что Цербер на ее фоне выглядит карманной собачкой, уродливой и бесполезной. А у наших мамочек. Точнее, у мам наших учеников, есть определённые возможности. Вы понимаете, что нашу школу просто сотрут в порошок? Вас дальше учительской выпускать в таком виде никуда нельзя! Вы меня понимаете?

- Нет, - честно ответила я. Вроде бы мне сделали комплимент, а вроде и нахамили, - Я одета не вызывающе, на мне костюм, косметики почти нет, волосы собраны.

- Фух, - директор скорбно вздохнул, - Или вы немедленно мимикрируете под серую моль или будете уволены. Выбирайте.

И вот теперь я стою на задворках школы, между каштаном и брандмауэром – почти крепостной стеной соседнего дома, на ней нет ни окон, ни дверей. Так когда-то было специально задумано, чтоб в городе не резвились пожары. И ничего волшебного в этой стене нет, только мне кажется, будто бы я стою перед стеной средневекового замка. Тихое место, пара брошенных на землю шпаргалок его нисколько не портит.

Дети сбегают сюда с перемен, чтобы обсудить все самое важное в жизни. Я же просто пытаюсь осмыслить, как мне жить дальше. Нет, в канун экзаменов меня вряд ли уволят. Зато потом точно могут. И что тогда делать? Куда мне идти? Не знаю, да и понять не могу.

Ваня мне больше не муж. Он – ничтожество, которое теперь не понятно, как выселить из квартиры. Как представлю, скольких нервов мне это будет стоить, так дурно делается. А свекровь? С ней-то я как объяснюсь, интересно? Недосвекровь! Об этом, пожалуй, стоит помнить. Она мне так-то никто. Ну придет, ну покричит под дверь. И что? Да ничего толком не будет. И на соседней мне наплевать, и квартира напротив сдаётся. А все остальные... Почему мне вообще может быть хоть какое-то дело до соседей? Они наверняка даже не запомнят скандала. Трагедия моей жизни пройдет мимо них, будто бы ничего и не случилось. Да, так и будет.

В нашем северном городе пышно цветёт весна, то здесь, то там таращатся на солнце желтые цветы мать-и-мачехи. Каштан тянет пятерни листьев в разные стороны, будто бы он настоящий монстр.

А я? Я просто не представляю, как жить теперь дальше. То и дело поглядываю в карманное зеркальце, из него на меня смотрит бледная девушка, в ее громадных глазах светится истинное отчаяние, светлые волосы падают густой волной по плечам. И мне совсем не кажется, что это – я. Зачем только нужна эта красота? Чтоб без работы остаться? Чтоб муж ревновал до такой степени, что нож к горлу приставил? Впрочем, даже не муж. Муж не стал мелочиться, набросился, воткнул в шею клыки, выпил кровь.

- Светлана Ивановна? А вы что здесь делаете? Я резко развернулась от окрика, чуть зеркальце не выронила на землю.

- Денис, опять ты?! Мне твоей матери, думаешь, мало? На кой черт ты поспорил с историчкой о Рюрике?

- Рюрик и Рюрик. С истеричкой я уже обо всем договорился. Подарил ей модель драккара с дарственной подписью и модель терема. Пусть играет, главное, чтоб оценку нормальную за год вывела. Маму теперь нельзя волновать, мы сестру ждем к новому году. Ну, то, что должна родиться.

- Я рада за вас. Денис, так нельзя говорить об учителе. Ни о каком.

- Об учителе нельзя - тут кто бы спорил. А о дурочке, которая ничего не читает и дальше параграфа предмет не учила - можно.

- Тебе это не выгодно. Учись уважать тех, от кого зависишь. Хотя бы просто для виду. Это секрет успеха.

- Может, вы и правы, Светлана Ивановна. Но мне пока это тяжело дается, -

Денис вздохнул, явно, чтоб придать трагизма словам. И тут я задумалась, этот "милый ребёнок" родился здесь, у нас, на Земле? Или в том мире? Если у нас, то это же многое меняет, наверное.

- Денис, скажи, а в каком возрасте ты узнал о том мире? Ну и что ты сам демон?

- А, совсем недавно. Как Эстон объявился, он почти сразу меня в вашу школу устроил. Ну а там уж и тот мир обнаружился, и родители поженились. Я Альера имею в виду, он мой папа.

- То есть совсем недавно? Так что ли? - я даже опешила. Правду говорят, дети быстро ко всему привыкают.

- Ну да.

- И ничего? Ты не испугался, не стал переживать?

- Наоборот, мне все понравилось. Там я – наследник трона, ученик магов, у меня своя крепость, свой город, бесконечные тренировки, конный манеж, танцы, будь они прокляты, невеста тоже есть. А на Земле я отдыхаю, можно и так сказать. Здесь что? Только уроки, так и то зелье особое есть, чтоб сразу все выучить. И никто коня вручную чистить не заставит, и тренировочный плац убирать ща собой тоже не нужно. Это я еще не говорю о доспехах, которые полировать должен тоже я. И без всяческой магии.

- Любопытно.

- Вы сейчас в школу?

- Да, спасибо, что поговорил со мной. А в том мире можно снять домик? Я Аню хочу перевезти. Но пока не стану знакомить свою девочку с новым мужем. Стресс лишний ей совсем не к чему, - я вспомнила клыки Оскара на своем горле.

- Одну девушку не принято оставлять. С ней кто-то из родственников жить должен, ну или служанка постарше. Мою невесту одну так и вовсе никуда не пускают.

- Я тебя поняла, Денис. А служанку такую можно нанять?

- Да легко.

- Спасибо тебе. Иди на урок, а я после занятий подойду еще раз к учителю истории и обо всем с ней переговорю. И оценку за год мы тебе непременно исправим. Ты же все выучил?

- Ага.

Денис бегом убежал в школу. Я еще немного постояла в уголке у стены-брандмауэра и только после этого пошла следом за ним. Ничего, уж я-то обязательно выкручусь. Плохо, что Оскар меня укусил. Опасный он, но оставлять Аню наедине с Ваней я теперь тоже боюсь. Мало ли, что придёт ему в голову, когда он меня не найдет в квартире посреди ночи. Да все что угодно в его голову может прийти! Может, я и преувеличиваю, но за дочку боюсь просто ужасно. Ясно одно, за один день Ваня свои вещи точно не соберёт. Понадобится какое-то время, хоть несколько дней на то, чтоб его выгнать. И Аниute такой стресс совсем не к чему.

Работу я закончила раньше обычного. Все потому, что последний урок отменил директор сам, лично.

- Не позорьтесь перед родителями. Марш домой! И сделайте с собой хоть что-то.
- Что?!
- Макияж смойте!
- Я не накрашена.
- Ну значит, накрасьтесь.

Дверь в квартиру я попросту открыть не смогла. Пришлось звонить. Неужели Аня накинула крючок по ошибке? А может, задвижку закрыла? С чего вдруг? Может, соседи ломились, вообще-то они у нас тихие, но изредка всякое бывает. Позвонить пришлось еще раз, я аж забеспокоилась, подумала, что доченьке могло стать плохо. Да и вообще, мало ли, что могло случиться? Пришлось треснуть уже кулаком и посильней. Наконец за дверью раздались шаги, легкие, торопливые

- Пошла к бесам, бабуль! - веселый Анькин голосок ни с чьим не перепутать.
- Ань ты чего?!

- Мама?! - дверь почти сразу открылась. Я увидела панно, оторванное от стены, клочки обоев, разбросанные по коридору, треснутую ножку у вазы.

- Что здесь произошло?!

- Твоя недосвекровь бушевала. Ты, мама, оказывается, у нас гулящая женщина! Ночами неизвестно где пропадаешь. И от предложения руки и прочей требухи отказалась, - Аня начала было говорить весело, а потом хлюпнула носом, бросилась меня обнимать, - Мама! Это было так мерзко. Она все-все свои подарки забрала. И даже мою куклу. Помнишь, Маруся в платице была? Она все вынесла. Давай мы Ваню выгоним тоже? Он придёт, а дверь заперта и вещи отправим посылкой. Лучше через Владивосток, чтоб подольше шла.

- Нельзя, это слишком дорого.

- Так ты не против?

- Ничуть. Сейчас мастера вызовем, он замок поменяет на двери. А сами... Сами уедем. Хочешь в теплые страны? Чтоб фрукты с дерева и все остальное?

- Хочу.

- Представляю, как удивится Оскар...

Глава 4

Котомки стоят перед дверью. Моя сумка с тетрадами учеников, Анькины книги, ее тетради тоже. Они сложены аккуратной стопкой. Бок о бок с ними ее саквояж с новыми платьями, да коробка со шляпками. Больше, мне кажется, мы из этого дома ничего не возьмём. По крайней мере, пока. Ванины вещи я отправила на такси прямо к дому свекрови. Если честно, то мне наплевать - заберет их Ваня или так и оставит у подъезда.

Может, еще что из посуды забрать? Любимую чашку, последнее блюдо от сервиза? Подушку хотя бы, она гречишная, дорогая. Или не стоит? Новая жизнь, новые вещи. На душе полное ощущение, что я продаю эту квартиру вместе с целым ворохом неуместных воспоминаний, надбитым фарфором, скатертью на столе. И мне никогда сюда уже не вернуться. Все закончилось. Нет, эту скатерть мы точно с собой не возьмем, слишком много она помнит моего «семейного счастья», обид, слез, которые я пролила украдкой, когда ночью сидела с кружкой давно остывшего чая в руках. Не хочу ничего помнить. Совсем не хочу. Вот только как рассказать Анюте о том, куда мы собрались и как переместимся – не знаю.

- Мама, а как я стану ходить в свою школу, если мы уедем? Или ты шутишь?

- Нет, не шучу.

- Тогда как? Только не говори, что мы будем жить где-нибудь в оранжерее. Нет? Или ты там договорилась снять угол, и именно поэтому мы не берем вещи.

- Тоже не угадала, - я закусила губу под испытующим взглядом.

- Тогда что? Денег-то у тебя нет. Или? Только не говори, что Ваня был прав, - моя доченька аж отшатнулась, а на лице у нее возникло брезгливое выражение лица. И почему я не подумала, в чем мне придется признаться. А ведь придется!

- Я вышла замуж. Фиктивно. Между моим мужем и мной ничего нет, кроме обряда. Так вышло.

- Вот, значит, как. И мне ничего не сказала? - нахмурилась дочь.

А я тронула те две дырочки от острых клыков, которые остались на моей шее. Куда и зачем я веду дочь? У меня же нет никого дороже нее. Но и здесь оставаться нет сил. Разве что, правда, снять угол в оранжерее, если такая найдется.

- Все те платья, это он мне подарил?

- Я заказала на его деньги.

- Выходит, богат? И тебе точно ничего, - Анютка покраснела, - ну не придется?

- Только публично изображать жену. Принимать гостей, ужинать вместе с ним и быть в его доме ночью, чтоб слухи не пошли.

- Он не желает, чтобы тебя заподозрили в неверности? Что ж, справедливо. Как зовут нашего благодетеля, ма?

- Оскар. И все не так просто. У него сын и вообще. Постарайся быть осторожной. И прошу тебя, ничего не пугайся.

Я все ещё пытаюсь прикинуть, что проще – провести Аню через тот портал, который открыл для нас Оскар или же открыть портал прямо в квартире? Дочка у меня слишком разумная, чтобы поверит в чудеса. Не хотелось бы нанести урон нежной детской психике.

- Он урод? Или что? - еще больше насторожилась Анютка.

- Нет, просто-напросто необычный. И там нельзя выносить из дому никаких секретов. Это может стоить жизни нам всем.

- Допустим, я тебя поняла. Ты фиктивно вышла замуж за криминального авторитета? За наркобарона? За кого, мам?

- Не скажу. Сама все увидишь.

- Угу.

Я подошла к нашим сумкам, отчетливо представила дом Оскара и потянула за воздух. Анька смотрит на меня недоверчиво. Черт! Почему я не переодела дочь? Ладно, хуже уже не будет. Главное, чтоб Анютка не устроила сейчас истерику. Хотела бы я ее предупредить заранее, но что толку? Все равно же не поверит, пока не увидит.

С хрустом треснула ткань мироздания, по ту сторону проявились роскошные стены нашего с мужем особняка. Теперь-то это и мой дом тоже. Впрочем, я до конца не уверена.

- Это что?! - Анютка хлюпнула носом, - Мааам, ты что, умеешь так?

- Взяла урок у Дениса. Помнишь, тот ученик из моей школы, о котором я говорила?

- Ну, помню, да.

- Он - демон или дроу. Я так и не поняла. Да и не важно. Шагай! Только вещи свои не забудь.

Анюта поспешно подхватила сумку, коробку со шляпами, я подняла свои вещи и ее учебники и тетради. Одним словом, мы шагнули сквозь портал, как две гружёных и очень упрямых ослицы. Позади мне слышится грохот ударов о дверь квартиры, ругань Вани, шипенье свекрови. Удачи, дорогая недородня. Хоть обкричитесь под дверью, меня это больше ничуть не волнует! Ушла, не прощаясь, как настоящая ведьма. Потому что мне на вас теперь наплевать.

- Ма, мы куда попали?

- Домой, - запросто ответила я и уловила движение в углу каминного зала.

Бедный Анджел бледен, как призрак, смотрит на Аню, не мигая, даже рот чуть приоткрыл. Затем покраснел, отвернулся к стене. Только алые ушки торчат из прически.

- Анджел, что случилось? Это моя дочь. Ее зовут Анна.

- Юная госпожа совсем не одета. Очень приятно, но я не смотрю. Мое имя Анджел.

Анька внезапно расхохоталась, закружилась по залу, ее волосы разлетелись по плечам. А короткая юбочка поднялась на недостижимую высоту.

- Ну, мама! Что вам приятно, Анджел? Знакомство со мной или то, что я совсем не одета?

- И то и другое. То есть нет, не совсем!

Ушки так и полыхают алым. Голос юноши срывается и дрожит, точно ваза, которая вот-вот разобьется. Стоило бы остановить дочь, но как? Да и нужно ли? Ей бы хоть переодеться! Но где?

В зал влетел управляющий, мне кажется он вот-вот захлебнется от ярости, борода так и трясется, а вместе с ней и то колечко, что украшает собой тоненький кончик.

- Вы! Да что вы себе позволяете? Наследник еще слишком юн! Я не позволю вам приводить в дом всяких...

- Это моя дочь.

- Мама, что он имеет в виду? Это твой муж?

- Это недоразумение зовётся управляющим. Временно. Возьмите сумки, как вас там, впрочем, не важно. И отнесите их в свободную спальню на втором этаже.

- Я...

- Если кто-нибудь посмеет хоть словом, хоть делом обидеть мою дочку – испепелю. И думать не стану. Вам ясно?

- Вполне. Идемте, юная госпожа. На втором этаже есть чудесные покои, в которых вы сможете переодеться в приличное платье. Надеюсь, с вами поделится одеждой ваша мать и у служанок ничего одалживать не придется?

- Может, меня током шарахнуло, когда я чинила розетку? - задумчиво произнесла доченька, - Или перед автобусом перебегать дорогу все-таки не стоило? Может, я уснула в метро и упала на рельсы? Да нет, я бы заметила, что померла. Хотя?

Анька подошла к управляющему и без всякого стеснения дернула его за бороду. Мужчина аж взвыл. Да, за дочку переживать особо не стоит. Земной подросток умеет за себя постоять. Взять хотя бы Дениса. Впрочем, моя дочка ничуть не лучше.

- На ангела вы не похожи, а на черта не тянете. Он бы меня точно изжарил, - Аня развернулась ко мне, закусила щеку, как делала это в детстве, - Ма, это все взаправду? В смысле реально?

- Да. Поднимись к себе, переоденься и я подойду. Ты извини, мне просто нужно сообщить мужу о том, что у нас с ним появилась дочь.

- Да, мам, ты умеешь делать сюрпризы! А это мой... Брат?

- Сводный.

- Главное, что не малыш. Нянчить не придётся. Что ж, я, пожалуй, рада. Ведите. Надеюсь, в моей комнате есть балкон?

- Юная госпожа изволит курить трубку? - бесстрастно спросил управляющий.

- Нет, свое здоровье я берегу. Но! Обожаю бросать с балкона пакеты с водой.

- Главное, чтоб не проклятия. Кто знает, когда у вас проявится дар.

- Дар? - дочка пожала плечами, задумчиво взглянула на меня и пошла следом за управляющим. Только бы он ее не обидел! Впрочем, такую дочь, как моя, пожалуй, обидишь. Гюрза! Ядовитая, сильная, по ошибке свернувшаяся клубком, как плюшевая игрушка. И себя в обиду не даст, так еще и за меня вступится.

Оскар

Жена ворвалась в мой кабинет без стука. За ее спиной стоит испуганная до бледности горничная. Магия жены тут же расплзлась по стенам уютной комнаты, впилалась в узор обоев, принялась мерцать, угрожая.

- Выйди и запри дверь.

- Это ты мне? - сокрушительный удар обрушил мои фолианты с верхней полки высокого шкафа.

- Я обратился к горничной. Разве мог бы я унижить нашу семью настолько, чтобы сказать подобное вам? Никогда. Каждое оскорбление жены роняет честь ее мужа, показывает, насколько он в себе не уверен, - чем больше слов будет сказано мной, тем быстрее успокоится ведьма.

- Исчезни за дверью! - только бровь изогнула, девушка отмерла, захлопнула тяжёлую дверь.

Я тотчас наложил на нее защитные чары, чтобы ни звука не выпало в коридор, чтобы никто не смог открыть эту дверь. Чего ждать теперь от жены – непонятно. Ясно, что она зла на меня. Зла совершенно справедливо. Как я посмел войти в нее, в ее розоватую кожу клыками против воли, без всякого предварительного соглашения, я и сам теперь не пойму. Но только соблазн был так велик, что отступить нет и не было никакой возможности. Запах супруги и теперь щекочет мой нос. Она – будто бы совершенная, сочная ягода для гурмана, выставленная на фарфоровом блюде. Подойди и возьми.

- Моя прекрасная супруга...

- Я привела в этот дом свою дочь. Ее имя Анна. Если ты или твои люди, хоть кто-то, посмеет обидеть ее, знай – испепелю, сотру в порошок и стану использовать в качестве присадки к яду! Чтoб крепче держался. Испепелю я тебя, даже если дочке нахамит горничная. Ясно?

Никогда еще мысли не проносились с такой скоростью в моей голове. Клянусь, даже на костре в день собственной казни мне и то было спокойней. Я хотя бы знал точно, что мне ничего не грозит. Веревки сгорят первыми, огонь меня сильно не тронет, ран на теле не будет. Здесь же? Здесь все может быть.

- Сколько лет нашей малышке? - я искренне улыбнулся, - Всегда мечтал о дочери. Давай купим ей пони? Прямо сегодня и выберем.

- Моей дочери почти столько же, сколько и твоему сыну. Ей шестнадцать!

- Тогда карету.
- Карету? - жена повела носиком. Кажется, я опять сказал не то, что нужно.
- Уверен, ей захочется преобразить свою новую комнату. Я приглашу фею.
- Вот как?
- Двух фей! Чтоб сразу определится с платьями и прочей одеждой. И завтра же выберем гувернантку.

- Это еще зачем?

- Ты не хочешь выпускать нашу дочь из дому? Или желаешь сама везде ее сопровождать? Нет, нашу красавицу можно отпускать в город с Анджелом, но тогда могут возникнуть ненужные слухи. Они, конечно, брат и сестра, но всё-таки названные, не по крови, - я нервно сглотнул.

Дивный запах жены взял меня в окружение, будто б войска взяли крепость в осаду. И чувствую, моя крепость скоро падёт. Во рту растеклось тягостное предвкушение, начали ныть клыки, засосало под языком. Ели бы только я мог взять эту женщину, добиться ее расположения, получить все, о чем я мечтаю. Опрокинуть ее прямо здесь на ковер и перед тем, как запустить свои клыки в ее горло... Ммм. Я женат, но толку для меня в этом нет. Так, может, стоит навестить юную баронессу? Представить на ее месте Светлану и насладиться таинством ночи? Пресытиться им?

Жена дразнит, перекидывает прядку волос с боку на бок, томно вздыхает, отчего весьма скромное декольте ее платья нервно колыхнется. Я и сам не понял, как оказался рядом с ней, это все ее запах, его пьянящее очарование, манящий привкус, соблазнительные движения. О, эта жилка на шее, как она бьётся! И росчерк царапины оставлен на горле будто специально. Моя жажда нарастает неумолимо, рвет оковы разума, требует утоления. И я склоняю голову к белоснежному горлышку, оно словно сосуд до краев полный нектара. Сейчас я проведу языком по сосуду и...

- Ешь! - в мой рот воткнулась отвратительная сладкая гадость

- Это что?!

- Консервы для таких упырей, как ты! Ешь и ни в чем себе не отказывай. С зарплаты целую коробку куплю.

- Я хочу твой крови! - взвыл я и непроизвольно щелкнул челюстью.

- Не ты один. Запишись в очередь. Только она длинная. Сначала мои ученики, потом директор лицея, где я преподаю, завуч, мой бывший любовник, и его мама, соседи тоже.

- Они все вампиры? - искренне изумился я. Не может такого быть. Впрочем, если уж кто-то додумался превратить кровь в сладкое лакомство, то все возможно. Неужели есть мир, где вампиры могут жить, ничего не боясь?

- Хуже.

- Жаль.

- Я надеюсь, ты меня понял.

- Да, дорогая.

- И моей дочери никто здесь не навредит?

- Они не посмеют.

- Спасибо тебе. Пожалуй, мне стоит навестить Дальона. Кстати, я же не превращусь в упыриху после всего того, что ты со мной сделал?

- Разумеется, нет, моя сладкая карамелька.

- Придушу, - сказала она и провела язычком по губе.

Вот же... Ведьма! Знает, насколько соблазнительна и вовсю мучает меня. Нет уж, этой ночью я обязательно наведаюсь к баронессе! Или сойду с ума от жажды!

Глава 5

Дальон

Фарфоровая, белоснежная кожа, синие губы, печать смерти наложена в форме двух узких проколов на шее. Я ошеломленно смотрел на эту прозрачную, поникшую красоту. Ждал, что стану следующим, непременно погибну. Прислушивался к шагам за дверью, к скрипу половиц в коридоре.

Каждый прожитый час казался мне пыткой в ожидании смерти. Затем ведьма легонько вздохнула, будто сорвала со своей груди ту неведомую печать, которую наложил на нее супруг. Резко колыхнулась на окне штора, где-то там, за ней, уже разливается по городу солнце. Но не здесь, в доме Оскара, где всю царит ночь, не прорезанная ни единым лучиком света. Кто она теперь, кем стала Светлана, если не умерла?

Дрогнули ресницы на лице, оно стало напоминать лик статуи – тонкий, изящный, неповторимый. Прекрасная царица и та бы позавидовала теперь совершенной ведьминой красоте, подумала бы, что таких женщин не бывает. И была бы права.

Я стою у ложа не в силах сделать шаг назад. Ошейник раба пленит волю, но вовсе не чувства. С каким бы удовольствием я сбежал бы из этого дома, полного слуг, сумрака, ужаса, туда, где светит яркое солнце, где пробивается в окна свет. И как же мне страшно быть здесь! Губы без устали произносят молитву заупокойную, верную. Да только ведьме все нипочем. Не умерла она, но и не жива еще толком.

Упырица сделала еще один вдох. А ну, как оживет, сразу бросится на меня, это верно. Бросится и выпьет до доньшка, будет рвать клыками желанное тело. Ведь для того она меня и купила? Или нет? Может, мне все чудится, может быть, белая ведьма и вправду умерла? Слегка дрогнули ее веки, забила жилка на шее. Светлана, не торопясь, будто бы нехотя, оживает. Ее кожа приобрела розовый цвет, уже больше нет в нем оттенка полыни.

И мне чудовищно страшно! Огонек свечи почти не дает света. Только тени все гуще пляшут на стенах. Мелкий бес, совсем кроха, свесил хвост с полки и задумчиво качает копытцем. Изловить бы его, да только потом раны на моих ладонях никто не оценит. Я же гаремник. Раб умершей госпожи. Ну не могла она ожить, никак не могла и не может!

Стройная ножка немного качнулась. Тонкая щиколотка больше напоминает произведение искусства, чем настоящую женщину. Великие боги! На что я смотрю, чего желаю так остро? Мертвячку? Фу!

И как же мне теперь стыдно за то, что я не смог уберечь Светлану, за то, что я не остановил вампира. До боли хочется броситься вон, поговорить с профессором из академии. Выложить ему как на духу все. Не смогу. Господин запер дверь спальни снаружи, оставил меня со своей женой наедине. И не выйти мне, и не спросить помощи. Только ждать неминуемого – рассвета для всех или смерти своей.

Госпожа очнулась. И пока я дрожал от страха, Светлана собралась, открыла портал и исчезла. Я едва не упал в обморок от того дичайшего ужаса, что объял меня целиком. Казалось, будто бы мир рухнул, раскололся надвое, как спелый орех. Семья упырей властвует над домом, скоро будет испыт весь наш город. А потом они доберутся и до моего родного села, изведут всех и там. Должно быть, Оскар поделился бессмертием с супругой из любви к ней, может, из необузданной страсти. Остальных он попросту съест!

Я сполз по стене вниз, подтянул колени к груди, обнял их, и сцепил руки в замок.
Целый день я провёл так, словно в тумане. В комнату входили слуги, протирали мебель и натирали полы. Ближе к обеду заглянул управляющий. Гневливый взгляд, вопросительно поднятая вверх бровь, смотрит на меня так, будто бы я перепачкан с ног до головы в самых грязных слухах столицы и все они оказались верны. Наконец встал передо мной, поднял за ухо.

- Только крысы пакостят там, где живут. Иди, умойся, тварь бессловесная.

- Да, как прикажете, господин, - произнес я почти без запинки, да так и застыл. Не могу никуда идти, просто не смею. Хочу выйти на солнце, туда, где безопасно, да не дадут. Комнаты этой мне покинуть нельзя. Я должен ждать своих хозяев именно здесь, в их логове. Точно бокал сока или конфеты в вазе.

- Чья на тебе одежда?

- Это вещи хозяина, Оскара

- Упырь!

- Вы знаете о том, что Оскар упырь? - ахнул я.

- Упырь здесь только один, это ты! - прошипел мне в лицо управляющий и схватил за плечо.

- Вы ошибаетесь.

- Марш в купальню. К возвращению хозяйки ты должен быть чист и свеж.

- Да, господин.

Меня пробрал ледяной пот, одежда мигом намокла. Я обнаружил, что не могу, просто физически не могу сойти с места. Управляющий принял мое замедление за упрямство, толкнул. Я рухнул на пол,

- Выпороть бы тебя, да нельзя. Потому что ты – прихоть хозяйки.

Управляющий с силой поднял меня на ноги, поволок к выходу из покоев. Здесь таклюдно, и как будто тысяча голосов разом всверливается в мою голову. Холодный и скользкий пол бьет по босым ногам. Мы спускаемся вниз, на первый этаж, за окнами особняка я вижу роскошный сад. И управляющий ведет меня не к центральной двери, а к какому-то другому, узкому выходу. Готов спорить, он предназначен для слуг.

- Нам туда? - я не верю своему счастью. Неужели? Хоть бы я стал теперь садовником, хоть бы получить возможность говорить с кем-то, кто не живет в этом доме.

- А ты думал, я тебя поведу в господские купальни? Жди дальше. А пока марш сюда.

- Куда вы меня тащите? Я не понимаю.

- Уж если человек вором уродился, то так оно и будет. Тащит то часы, украшения, то жен чужих ласкает. Гаремник, тоже мне!

Цветочная клумба, ее видно из дома, живая изгородь, а за ней, скрытая ото всех купальня. Всего несколько кадок с водой, да крохотный пруд. Здесь спокойно и чисто, а еще солнце оттолкнуло от этого места тени и уже ставший привычным туман.

- Как намоешься, ступай в дом! Ясно тебе? Я тебя по саду ловить не стану. Скорей гурфов спущу. Те и найдут, и поймают, и до дома донесут. Если не съедят по дороге. Ясно?

- Предельно.

- Даю полчаса. Изволь выбриться как следует.

- Вы дадите мне соли, чтоб я мог согреть себе хоть немного воды?

- Вот еще. Тратить хозяйское добро на гарем? Не бывать такому! Вот вещи, переоденешься в них. Одежду хозяина собой чтоб больше позорить не смел.

Я увидел на одной из скамеек-тумб серый халат, крохотное полотенце. Рядом с ними – богатство, горшочек с мылом. Кажется, еще недавно, в темнице, да и давным-давно, в нашем селении я и мечтать-то не мог о таком. Я тронул рубашку и вдруг осознал, что руки у меня дрожат, должно быть, от страха. Торопливо растянул воротник, сбросил чужую вещь, потянулся к штанам.

- Эй, Дальон.

Я развернулся на голос. Профессор академии выглянул из кустов. И что прикрывать на себе, непонятно. Так и так не избежать унижения. Наполовину я просто раздет, штаны почти сняты, горло перетянул ошейник раба. О клейме гаремника и говорить нечего. Я унижен весь, целиком и полностью. И я все же прикрыл ладонью самый большой свой стыд – ошейник раба.

- Господин профессор.

- Говори тише. Что происходит, Дальон?

- Я...

- Только не оправдывайся. Лучший ученик курса, да я никогда не поверю, чтоб ты взял чужую вещь. Вас же всех столько раз проверяли, ты всегда возвращал, если хоть что-нибудь "случайно" находил. Да и красть часы, теперь, когда до окончания Академии осталось так мало времени... Так что произошло?

- Оскар, он упырь, - почему-то нелегко было произнести это вслух. Будто бы я лгу, что ли? Будто бы я и вправду пытаюсь оговорить достойного барона.

- У тебя есть доказательства? - преподаватель сморщился. - Да вот, шрам на шее, - я показал то, что выступало вверх от ошейника. Как же давит эта штука на мое горло, - Он укусил меня. То есть, Оскар, его сиятельство.

- Укусил, значит? ... Если все так, то почему ты тогда жив?

- Укус прошел вскользь, я увернулся. Почти увернулся Господин, они все упыри. И сам Оскар, и его жена. Вы мне верите?

- Знаешь, пожалуй, верю. Тот Дальон, которого я знал, не стал бы лгать просто так. Вот, покушай. Прости, если я зря так. Но... рабов, их редко кормят досыта. Жена испекла. На скамью опустил платок, в нем как будто бы что-то лежит. Я прошёл вперёд, развернул желанный сверток. И вправду два пирога. Есть нет сил, но из глаз вдруг брызнули слезы. Никто и никогда обо мне так не заботился. Чтоб пробраться в чужой сад, выслушать, принести немного вкусной еды. Я вцепился в прожаристую корочку, с наслаждением погрузил зубы в мякоть, будто в своё спасение. Жирное мясо, тающий сыр, да пироги эти еще же совсем теплые! И как вкусно, как ценно, что так позаботились обо мне

- Ешь, все хорошо, со всем разберемся. Если ты прав, Оскар получит сполна. И за то, что он с тобой сотворил – тоже. Профессор приблизился, потянулся к ошейнику, я дрогнул, ожидая магического удара. В темнице именно этот жест мага служил преддверием пытки. Чтоб язык не смел распускать, чтоб не смел говорить больше дурного о досточтимом Оскаре.

- Я только взгляну, - с нажимом в голосе произнес профессор, провел пальцем по моей коже, - Надрезал, но яда не впрыснул. Ты и вправду не стал упырем, мой мальчик. Очень тебе повезло. Фух, я уж боялся.

- Спасибо, - и снова мой голос дрогнул.

Как же давно я не чувствовал такого доброго к себе отношения. Черт. Как это оказывается важно, чтоб тебе просто поверили, выслушали, принесли горячей еды.

- Ну, иди совершай омовение, я не стану мешать. Вернусь к обеду, попрошусь в гости. Хочу сам поглядеть на этого Оскара с женой, так сказать, поближе.

- Да, я буду ждать.

Вымылся в ледяной воде, оделся в почти негодные вещи, застиранные до такой степени, что кожа просвечивает сквозь ветхую ткань. Как же холодно на ветру, совсем отвык я от сельских купаний в прудах. Вон и кусты шевельнулись. По дорожке ступает та самая горничная, что привязалась ко мне вчера. Смотрит прямо, а я почему-то краснею, отвожу от нее взгляд.

- Ну, что, промерз? Идём, котик, тебя просит к обеду хозяйка.

- В каком это смысле? - дернулся я.

- В самом что ни на есть прямом. Она дочь свою привела. Видимо решила показать ей тебя.

Мы прошли сквозь пышущий роскошью особняк, холл, несколько комнат, впереди женские веселые голоса. Бас Оскара, легкий, юношеский голос его сына. Сердце ухнуло в пятки, захотелось прикрыться. На кого я похож в этом ветхом наряде?! В постиранной до дыр рубашке, которую можно дотянуть до колен?

Горничная толкнула двери в обеденный зал. Семья упырей стоит прямо там, у дальней стены. Он, она, Анджел. Внезапно я увидел настоящего ирлинга! Так девушка была хороша. Громадные глаза, пышные волосы, улыбка во все лицо. Точно такая, как у ее матери-ведьмы. Сколько же этой девушке лет? Шестнадцати точно еще не исполнилось. И магический дар ее не раскрыт, запечатан и спит под сердцем. Точно нераскрытый сундук с бесценным приданым.

- Анята, это - Дальон. Он все тебе расскажет об этом мире. Если захочешь, сможешь взять его вместе с собой за покупками, - улыбается Светлана.

Я замираю. Скоро изведут всю эту семью упырей, сотрут с лица нашего мира. И прекрасную девушку с необычным именем – тоже.

- Кого опять к нам несет? - обернулся к окну Оскар.

Я вижу, как спешит к крыльцу мой профессор вместе с выдающимися своими учениками, моими однокурсниками.

Глава 6

Светлана Ивановна

Оскар подпирает стену гостиной с надменным видом, сурово смотрит на мою дочь, но молчит.

Аня будто расцвела, оббегала уже весь особняк, всюду сунула свой нос. Шустрая у меня дочка, такой бы гордиться, да только у меня не выходит, все вижу какие-то недостатки, которых вроде и нет, но мне они чужды. Вот как сейчас, нет бы ей одернуть подол платья, ступать как-то более степенно. А она бежит, как молодая кобылка. И управляющему до нее никакого нет дела, наверное, Оскар с ним уже поговорил.

Мне неудобно, нужно было заранее всех предупредить о том, что приведу сюда Аню, нельзя решать все вот так, впопыхах, как вечно получается у меня. Комнату людям пришлось быстро готовить, искать белье, сметать пыль. Но и деваться мне некуда, как вспомню Ваню с ножом в руке... так сердце сразу сжимается от боли. Как я могла так ошибиться? Ведь любила его. И сильно. Почему он стал словно другим человеком? Или мне только казалось, что я его люблю? Может, я сама себе напрасно придумала картинку семейной жизни? Раскрасила ее своими глупыми чувствами, а на самом деле и не было ничего? Только иллюзия счастья и не больше? Но ведь я пекла пироги, мы собирались за столом, шутили, смеялись, Анютка шалила, Ваня ей улыбался. Как давно это было!

А сейчас в груди совсем пусто, будто бы вынули из нее сердце, подменили комком лютой боли. И никуда от нее не уйти. Остается только ждать и надеяться, что утихнет со временем. А на шее горят огнем следы от зубов Оскара, словно бы это был поцелуй любви, а не жадный укус. И я не знаю, чего мне хочется больше, дать пощечину своему фиктивному мужу или? Или что? Пасть в объятия? Вот уж и нет. Не будет такого. Или будет? Не знаю.

Сама для себя не могу найти ответ, тру запястье, перебираю кромку рукава длинного платья. И чувствую себя дурой, которая вновь попала в красивую картинку, в фильм, но не в жизнь. Вроде бы все здесь есть у меня и у Анютки, да только это обман, а не жизнь. И чего мне теперь нужно бояться, я просто не понимаю. Ваню с ножом? Оскара с его клыками? Может, свекрови? Нет уж, хватит с меня. Бояться я точно не стану, пускай лучше боятся меня! Придумаю, как выкрутиться. Навещу библиотеку, научусь колдовать, глядишь, жизнь и наладится.

Ваню с Мегерой Горгоновной превращу в жаб. А Оскара? Нет, ну с моим красавцем-мужем так нельзя поступать. У него же сын есть, мне Анджела жалко. Хороший мальчик, добрый, вон рисунки свои принес, на столе уложил. Чернила только коричневые почему-то. Может, специально? И пергамент немного коричневатый, все норовит свернуться в трубочку, а на нем нарисованы дома, здания, люди. Всего несколько линий на каждом листе создают иллюзии города, иллюзии, в которые веришь настолько, что самому хочется пройти по тем улочкам.

Повезло, что Оскар ничего не сказал против того, что моя дочь будет жить в его доме. Мне, безусловно, немного стыдно, что я ему заранее не сообщила о том, что у нас есть еще и дочурка, а не только сынок... Но если быть совсем уж честной, то нет, мне не стыдно. Пусть считает это платой за то, что сам меня укусил. Между прочим, было больно, а еще в груди возникло то самое глупое, пьянящее чувство, что слаще страсти. Страх в чистой смеси с восторгом, точно такой же, как когда стоишь на крутом берегу над рекой, уже держишь в руках тарзанку, а прыгнуть вниз в реку все никак не решаешься, ждешь, пока кто-нибудь тебя не подтолкнет.

Вот так и теперь, я сполна насладились объятиями своего мужа. И нет, мне не страшно и уж точно не стыдно. Вырваться я все равно не могла. Вани для меня больше не существует.

А Оскар? Он-то мне кто? Просто участник сделки? Наш брак до сих пор был именно сделкой. А теперь? Вот на этот вопрос я никак не могу ответить. Нет, Ваню я не люблю, да и то, что он натворил, всю ту безобразную сцену, простить невозможно.

При взгляде на мужа что-то теперь сладко ноет в груди. Я смотрю на то, как он стоит у входа в столовую, улыбается, мягко смотрит на дочь, высокий, статный, неимоверно опасный мужчина. В его власти теперь моя жизнь, жизнь Анютки, наше с ней благополучие. Как ни крути, а идти мне теперь точно некуда. Так и стану после работы возвращаться сюда порталом. И дочку с собой брать тоже буду. Ни к чему нам слушать скандалы и попреки от свекрови и от... кем там Ваня себя возомнил? От моего бывшего недомужа! На большее он и не тянул, и не тянет. Хм, а это, оказывается, очень удобно, жить без печати в паспорте. Ничего делить не придется, разводиться не надо, выгнала и все.

Или неудобно? В дом Оскара я сразу вошла женой. Он представил меня всем как хозяйку, упрочил тем самым мое положение. Впрочем, на управляющего это не произвело никакого впечатления. Ну да, я сама виновата, зачем было тащить в дом гаремного раба? Если б я только знала, как обозначу его статус, когда сказала, что раб нужен мне для личных целей. И не докажешь, что я совсем другое имела в виду!

А если мне на время передать Дальона Анютке? Парень, конечно, со странностями, но столько всего сможет моей девочке рассказать об этом мире. И в доме, глядишь, накал страстей поутихнет. Среди слуг, я имею в виду. Как бы так еще почетче обозначить, для чего мне нужен Дальон?

- Наша дочь так стремительна и непосредственна. Словно бы она еще ребенок, а не юная женщина, - вздохнул Оскар и потер подбородок. Что-то мне не понравилось в этом жесте.

- Она и есть ребенок. Ане только шестнадцать.

- Чудесный возраст. Они с нашим сыном почти ровесники. Кто жених?

- Чей жених?

- Кто жених нашей дочери? Я желаю отправить подарок этому юноше.

У меня некрасиво открылся рот. Я даже промычала что-то невнятное. Аня? Жених? Да ей бы для начала окончить школу, потом куда-нибудь поступить, а уж тогда!

- Он стар? - совершенно неправильно понял меня Оскар, - Я сознаю, растить дочь одной было не просто. Ну так помолвку необходимо расторгнуть, я сам это сделаю, если позволишь. В деньгах нужды больше нет. Я смогу содержать вас двоих сколько потребуется. Выберем ей ровесника или мужчину немногим старше. Скажем, военного. Со дня на день в город войдет полк. Там будет из кого выбрать. Тем более, нас приглашают на праздник в честь Королевской династии. Будет бал, я уверен, наша девочка будет пользоваться огромным спросом среди женихов. Я покажу ей карточки завтра. Пусть подумает, чтоб потом было легче различить нужную персону в толпе.

- Я... Никакого замуж не будет! Она ещё очень юна, твоя дочь! И совсем не помолвлена!
 Аня вприпрыжку сбежала по лестнице, улыбнулась, глядя новоявленному отцу в глаза.

- Вы решили от меня избавиться?! - весело спросила дочурка.

- Нет, но брак – это то событие, которое нужно тщательно подготовить, спланировать. От этого зависит ваша дальнейшая жизнь, возможности и богатство, дочь моя.

- Принц на белом коне будет? Ну хоть один? - Анютка притопнула ножкой.

- Лошадь я куплю вам сам, - Оскар чуть улыбнулся, а у Аньки разгорелись глаза, - Полк влетит в город на сизых грифонах. Принцев будет трое. Сын короля, племянник и дядюшка. Вам будет из кого выбрать, как я уже говорил. Моя дочь должна как следует разыграть эту партию.

- Ну, допустим, - Анютка чуть вздернула носик - дурная примета, - Я выберу, он станет за мной ухаживать, потом свадьба, а потом принц этот мне разонравится. Ну, допустим. И что тогда?

Оскар перешел на шепот, положил ладони на плечи Ани. Так со стороны посмотришь, они ведут себя словно образцовая семья – отец беседует с дочкой, улыбается, и вампирских клыков его почти не видно.

- Я дам вам капли. Вернейшее средство. Мы превратим вашего жениха в мышь. Никто ничего не узнает. Таким образом, вы сможете хоть несколько раз овдоветь.

- Спасибо, - Анька не вздрогнула даже. Может, думает, что Оскар пошутил?! Да нет, не похоже.

- Приятно иметь дело с красивой девушкой, вдвойне приятно иметь дело с умной. Вы совместили в себе и то и другое. Дорогая, наша дочь пошла вся в тебя.

- В меня?!

- Ты сделала мне роскошный подарок, когда привела ее в дом, - Оскар взял мою ладонь в свою руку, поднес к губам, лукаво на меня посмотрел, чуть улыбнулся. Коварный взгляд, страстный мужчина, - Кстати, я хотел бы уточнить еще один момент?

- Да? - сказать, что я была ошеломлена реакцией Оскара и тем способом, которым он решил избавлять Аню от неудобных мужей – ничего не сказать.

- У нас есть ещё дети? Я бы хотел сразу познакомиться со всеми. Брак обязывает даму раскрывать свои небольшие секреты.

- Аня у меня только одна.

- Повспоминай. Прошу тебя, - легкий поцелуй сел на пальцы словно бабочка, а взгляд Оскара подернулся дымкой.

- Точно одна, я бы запомнила.

- Жаль. Люблю малышей.

- Я надеюсь, ты их не ешь?

Аня чуть фыркнула, почти засмеялась. Умная она, надеюсь, еще не догадалась, что мы станем жить в логове упыря. И не догадается никогда. Только бы не разболтала, если правда когда-то всплывет. И только бы не испугалась! Надеюсь, с ней здесь ничего не случится.

- Нет, - Оскар сделал вид, что подавился, а потом резко склонился ко мне, произнёс с предвкушением, будто смакуя деликатес, от его голоса я покраснела. И это перед дочерью, - Я предпочитаю кусать исключительно женщин. Красивых и обаятельных, коварных и умных. Таких как вы, моя дорогая супруга.

Крупная ладонь легла мне на талию, указательный палец мужа скользнул по спине ровно в том месте, где проходила шнуровка корсета. Слишком интимный жест, слишком жаркий, да и щеки мои нестерпимо горят. Я вывернулась из объятий, развернулась к окну. Только бы Аня ничего не поняла и не заметила. Нельзя так! Только сегодня рассталась с одним и вот уже утопаю в объятиях другого! Что дочь обо мне станет думать? Да и глупость все это. Для Оскара я лишь блюдо!

- Попроси привести сюда Дальона. Я хочу познакомиться его с Аней, - почти спокойным голосом попросила я, только чтоб отвлечь упыря.

- Да, пожалуй, Аняте стоит знать, что у ее матери есть не только муж, но и гаремный раб, - жестким тоном ответил на мою просьбу Оскар. Будто бы он получил на меня какое-то право! Будто бы ему есть до меня дело. Все, что нас связывает – договор и глоток моей крови, если подумать, как следует.

Я развернулась, будто бы меня ошпарили. У Аняты горят не только щеки, но даже ушки, а глаза она вытаращила и смотрит на меня так, будто бы видит впервые. С моих пальцев сорвалось розовое свечение, очевидно, в тон коже. Оскар побледнел, вздернул вверх подбородок,

улыбнулся надменно, нет, даже гордо. Будто бы познал в этой жизни все, включая меня, мою душу.

- Мама...- ахнула дочь и прикрыла лицо ладошками.

- Да, я ошиблась, когда была на рынке. Мне был нужен слуга, но торгаш неправильно меня понял. Поставил татуировку гаремного раба на лицо молодого мужчины.

- Что же ты ему не сказала, что он ошибся? Такого не бывает, - муж, как будто, заинтересовался. Вон и горничная наострила уши. Сама перебирает посуду в буфете, но глазом косит на нас. Зачем она вообще вошла в эту комнату именно сейчас?

- Я просила раба для личных целей. Мне нужен был кто-то, кто сможет разбирать тетради, то есть я хотела сказать платья, книги и все остальное.

Оскар буквально расцвел.

- Завтра же я спрошу в ратуше, как можно исправить твою удивительную ошибку. Если это действительно так, - супруг заметно повеселел и шагнул мне навстречу.

- Вот и хорошо. Думаю, пора идти обедать.

- Мама, ты что, правда, купила раба? Но как так? Это же, - Аня стремительно побелела, задохнулась от огорчения, - Это же мерзко!

- Мне стало его жаль. Я не придумала другого способа, чтобы помочь. Он был грязный и тощий, как тот пес, которого в свое время приволокла с рынка ты. Помнишь, как долго мы его пристраивали? После того, как отмыли и откормили. А я помню. Вот и здесь так же.

- Какое замечательное сравнение, - мурлыкающе произнес Оскар, - Тощий пес. Не нужно никого пристраивать. Моя жена еще и сердобольна, это чудесное качество.

- Вы его освободите? - требовательно спросила Аня.

- К моему сожалению, это сделать непросто. Но голодным этот больше не будет.

- Он будет обедать с нами? Ведь так, я не ошиблась, мамочка?

- Конечно же, с нами. Я не вижу в этом ничего сложного, - Оскар успел перехватить мой взгляд, - И сегодня же мы переселим Дальона в более подходящую комнату. Или во флигелек? Я еще не решил. Главное, чтоб подальше от спален.

- Это почему? - Аня нахмурилась.

- Он ужасно храпит, - вывернулся Оскар, - Позвольте, я отдам приказы слугам. Кстати, моим девочкам не помешает навестить ювелира. Сокровища оттенят вашу красоту. И к балу необходимо подобрать лучшие платья. Я впервые представлю свету своих дочь и жену. Мне есть чем гордиться.

Муж ушел из гостиной с самым независимым видом. Хотелось догнать его, объяснить, потребовать, чтоб больше никогда не смел меня кусать. Но дочка, с ней тоже поговорить не помешает. Как-то все объяснить, хотя б попытаться. Аня сама ко мне подошла, приобняла, заглянула в лицо, чуть нахмурилась, приоткрыла рот, чтоб что-то сказать, снова закрыла. Задумалась, взгляд при этом у нее стал тоскливым, прозрачным, совершенно растерянным.

- Здесь прикольно.

- Ань?

- Думаю, школу всё-таки придется закончить. Не хочу я вот так сразу замуж.

- Уху, - только и смогла сказать я.

Глава 7

Светлана Ивановна

Тихий денек, славный. Посыльный прислал иллюзии лучших работ. Это так странно – держать в руках невесомые вещи, рассматривать, трогать их, примерять, почти ощущать твердость плетения и узоров на своей коже. При этом зная, что в руках ты держишь по сути воздух. Настоящие украшения пришлют потом, когда ты сделаешь выбор, а муж все оплатит. Так странно, что за нас с Аней кто-то станет платить. Мы обе вроде не дворовые кошки, чтоб нас взяли на содержание. Хотя я порой ощущаю себя именно так. Никак не могу успокоиться, понять, что здесь и мой дом тоже, мое место, мой рай? Или это не рай, когда о тебе так заботятся? И как же хочется, поверить в то, что все это взаправду.

Мне было неудобно поначалу выбирать себе украшения, а потом я случайно вошла во вкус. Кольца, серьги, браслеты – все блестит и сверкает. Целый ларец иллюзий. То, что предложил ювелир мне, поувесистей, потяжелее. Для Анютки, наоборот, тоненькие изящные вещицы. Золото, платина, серебро, драгоценные камни. Муж принял Анютку как свою дочь, заботится о ней не меньше, чем обо мне. Вот только забота эта – та же иллюзия, что и украшения. Все не взаправду. Но, может, так лучше, чем как с Ваней? Он тоже наверняка притворялся, что любит мою дочку. А на самом деле не нужны мы с ней никому, притом обе. Точней нет, не так. Оскару нужны, но только из политических целей, чтоб никто не догадался о том, что муж мой вампир. Ну, может, еще из гастрономических. Назвал же он меня карамелькой. Оскар тронул меня за запястье, сам подошел.

- Выбирайте любые камни. Женщины моего дома должны выглядеть достойно, по вам станут судить о моем положении.

- Мне неудобно.

- Напрасно. Дочь, украшения для девушки – как рама для картины. Должны привлечь внимание, но не затмить сюжет. Ваша красота ещё слишком изящна, постарайтесь не ошибиться с выбором.

Та теплота, которой наполнился голос мужа, пробрала и меня до мурашек. Впервые кто-то так обращается с Аней. Оскар ушёл, в гостиную вошел пасынок. Как он смотрит на Аню! Кто бы мог подумать! Хм.

 Анджел

Я несмело вошел в гостиную вслед за слугой. Вот уж не думал, что у меня когда-нибудь появится сестра, да еще такая! Высокая, стройная, веселая. Все девушки моего круга, которых я видел раньше, с которым говорил, были абсолютно другими, ничем не похожими на Аню. Строгие, закованные в свои платья точно в деревянные ящики, напудренные. Ни пробежаться по дому, ни пошевелиться толком они не могли.

Девушка повернула голову, мои щеки тут же запылали. Теперь на ней куда более скромный наряд, но я-то помню, в чем она вошла в наш дом, помню ее длинные, стройные ножки, осиную талию, голый животик, декольте. Как глупо я себя повел! Девчонка нисколько не смутилась, а я зачем-то взял и отвернулся к стене. Мог бы подольше на нее смотреть, это бы не выглядело странным и точно бы скандала бы не было. Кровь опять ударила в щеки.

Я просто не смог подойти ближе к столу, так и замер у стены при входе. Анна щебечет с матерью, рассматривает иллюзии украшений, которые прислал ювелир. Их так много, я бы, наверное, мог посоветовать что-то, завести беседу, да только ноги внезапно стали ватными, а язык присох к горлу. Должно быть, все это от смущения, от стыда. Хотел бы я сейчас поговорить с Аней, да только подойти не рискую, так и стою у дверей истуканом, совсем как дятел на

ветке дерева. Еще немного и стану биться лбом о выступ стены, чтобы хоть как-то просветлить свой разум. Точно. Дятел. Осталось червячка из клюва вывесить.

Отец сказал, будто бы в мире Земля принято так одеваться, почти ничем не прикрывая свое тело. Ух! Хотел бы я тем побывать. А с другой стороны? Это же ужас, куда ни поверни голову – везде короткие юбки, обнаженные ноги, тонкая линия, где соединяется рубашка с низом одежды, совершенно и абсолютно обнажена. Как живут те мужчины, которые все время окружены наготой? Смотреть можно, трогать, наверное, нельзя? Безусловно нельзя. Но как бы мне хотелось поговорить с ней, хотя бы приблизиться.

Руки повлажнили, девушка меня как будто не видит, а может, и вправду увлечена выбором украшений. Подойти бы. Да только я так давно стою у стены, что это будет неучтиво, неправильно. Да и как я возьму ее руку в ладонь, чтоб поцеловать? Я весь взмок от напряжения, даже мои собственные руки. И сердце ухает в горле, а голова кружится от совсем неправильных мыслей, недопустимых. Это ведь сестра! Мачеха привела ее в наш с отцом дом, мы – семья, между мной и Аней ничего не может случиться. А все равно как бы я хотел ощутить ее ладонь в своей руке, прикоснуться украдкой к этим тонким, изнеженным пальцам, почувствовать на губах их вкус, ощутить запах духов.

Мачеха смотрит на дочь с невиданным умилением, нет-нет, да коснется рукой. Мне бы тоже хотелось заполучить эти прикосновения. Нет, о своей мачехе я вовсе не думаю, как о женщине, в том смысле, о котором думать не стоит. Мне просто так хочется ощутить ту ласку, которую получают другие от своих матерей, бабушек, тетюшек. Вспомнить, какая она, как гладят по голове теплые, мягкие женские руки. Или немного шершавые, да какие угодно. Я только вчера днем завидовал мальчишке на рынке, его так крепко обняла мать, когда из-за угла выскочила карета. Так крепко прижимала к себе. Я бы что угодно отдал, лишь бы очутиться на его месте. Казалось бы, из нас двоих я – богач, наследник знатного рода, но и завидую тоже я. Вот такой простой и спокойной жизни, когда все понятно и ясно, когда не нужно ни от кого убегать, когда есть мама и папа и можно не бояться раскрыть свою суть.

А она совсем скоро проявится, и я вынужден буду почувствовать вкус человеческой крови у себя на губах. Таков высший закон, такова моя плата за безвременье, за чувства, за силу. Почему так? И почему я завидую всем остальным? Аня ахнула, ее веки встrepенулись словно две бабочки. Красотка!

- Белая ведьма во всей своей нераскрывшейся красоте, юный бутон! - отец будто бы уловил мои мысли, вошел в комнату, остановился посередине. Обе дамы испуганно встrepенулись, совсем как лесные птички, когда заметят хищника. На окне чуть шелохнулась штора, впустив в особняк кусочек летнего дня, слабенький ветерок.

- Благодарю вас, - Аня даже чуть заикается, розовеют ямочки на щеках.

- Сын, и ты здесь? Предлагаю пройти в столовую, раба вот-вот приведут. Сегодня мы сядем обедать все вместе, - отец посмотрел на меня с легким нажимом во взгляде. - Это будет уместно?

Аня оторвалась от иллюзии колечка, которую вертела в руках, внимательно посмотрела на меня. Я даже вздрогнул под этим взглядом.

- Да, конечно, - улыбнулся папа, - Моя жена совершила ошибку, когда покупала невольника. Ей был нужен раб, чтобы следил за одеждой, а торговец не так ее понял и с размаху поставил клеймо гаремника парню на шею. Дикость какая! Но, знаешь, клеймо мы, пожалуй, оставим.

- Зачем? - я совсем растерялся.

- Светлана, хочет, - бархатно протянул папа, - если я правильно ее понял. Хочет, чтобы Дальон имел возможность выходить в город. Гаремного раба скорее обойдут стороной, чем простого. Никто его лишний раз не заденет и не тронет. Пускай все останется как есть.

- Ты думаешь, так будет лучше, Оскар? - встrepенулась мачеха, - Я думала, это не удобно.

- Ведьма никогда не заботится о приличиях слишком усердно. И потом, ты же помнишь, мы заключили договор. Отвлекай внимание на себя, я буду только рад этому.

- Да, пожалуй.

 Оскар

Бледный перепуганный раб, а смеет смотреть на меня, как на падаль! Но это все же лучше, чем если бы он продолжил ласкать мою дочь своим взглядом, змееныш. Кто дал ему право вообще поднимать глаза на Анютку? Никто! Не быют, не издеваются, кормят, о чем еще он мог бы мечтать? Кто бы, кроме меня стал так возиться со своим кровным врагом? Он хоть понимает, что покусился тогда не только на мою жизнь, но на жизнь моего сына, на будущее всего клана.

В былые славные времена у вампиров было принято заводить огромные семьи, иметь по несколько жён, кучу детей, инициация проходила так рано, что и вспоминать неудобно. А теперь все, что осталось от моего клана, далекие осколки бывшего - я, моя единственная жена, которая даже и не жена мне вовсе, сын, да приемная дочь. Все! Нет ничего больше! Так Дальон последнее хотел отобрать. А теперь еще смеет сверкать глазищами, облизываться на Анечку. Не для него растила Светлана эту красотку.

Уверен, девушку можно будет выдать замуж за наследного принца без всяких усилий. Не родился еще мужчина, способный устоять при виде такой красоты, озорства и ума. Первый брак дочери станет пробным, через него она получит наследство и титул. Второй уже можно будет считать настоящим. Его и заключить можно по любви без расчета.

В первый раз лучше так не рисковать. Состояние мужа превыше всего, у юной девушки должны быть свои собственные средства. И проще всего получить их через брак и раннее вдовство. Заодно и жизненный опыт приобретет. Это всегда полезно. Покуда наша семья вместе, я должен заботиться о благополучии всех. И о своем собственном, и благополучии тех, кто находится со мной рядом.
 Раб обвел взглядом зал, покосился на мою жену, немного опустил веки. Лучше бы спину согнул в поклоне как следует.

- Где мне разрешено находиться, госпожа?

Он произнес это совсем тихим, чуть запинаящимся голосом, рассчитанным на то, чтобы добыть чуточку жалости женщин. Того, смертельного блюда, которое убивает настоящего мужчину, но служит благом для убогих, сирот и невольников. От этой мысли я даже улыбнулся. Светлана положила свою ладонь на мое запястье.

- Садись рядом с Аней. Она – моя дочь и в этом мире впервые. Расскажи ей немного о том, как здесь все устроено.

- Благодарю вас.

Дальон чуть замешкался, обласкал взглядом стул, который специально для него поставили. Хорошо, хоть не кресло, этого бы я не пережил. Парень несмело обошел стол, сел на самый краешек, опустил свой нахальный взгляд в пустую тарелку. Надеюсь, он хоть вести себя за столом умеет как следует.

- Как вас зовут? Мама сказала, да я не запомнила, - звенящий колокольчиком голос. Такой прелестный, еще совсем девичий.

Анджел пронзил девушку взглядом. Уж не ей ли суждено стать первой жертвой моего сына? Первую жертву всегда выбирают особенно тщательно, чтобы юного вампира ничто не смутило, чтобы он вполне смог распробовать ощущение от первого укуса, не испытать ни капли омерзения, одно только наслаждение от близости, от ее вкуса, от пугающе легкого проникновения клыков под тонкую кожу. Жаль, Аня ещё так юна. Год-два придется выждать, чтоб подросла. Вряд ли Анджел согласится на кого-то другого, кроме нее. Хм, а это любопытно. У меня невольно возникло ощущение, что мой брак спланировали сами боги, не иначе. Вон и свеча дрогнула в чаше, а это верный признак того, что судьба уже стоит на пороге.

Я улыбнулся и повернулся к жене. Она тотчас же повернула голову в мою сторону, чуть вздрогнула. Ее глаза наполнились страхом и предвкушением. Кожа тонкая, как фарфор, бархатная, желанная, источающая пьянящий меня аромат, ту самую сладость и горечь полынного, хмельного меда. Хочу! Нет, не просто хочу, жажду так остро, как только могу. Я вздохнул достаточно громко, надо немедленно сделать что-то резкое, как-то утвердить свою власть над этим хрупким цветком. Соблазнить ее чем угодно. Пообещать дары, золото, красоту, да что угодно!

- Кажется, кто-то идет? - метнулся на меня все тот же встревоженный взгляд.

Нельзя, никак нельзя ее трогать. Один раз уже испил ее крови. Постыдно накинусь, против ее воли взял то, что мне не принадлежало. Второй раз такого случиться не должно, сам себя иначе прокляну. Да и ведьма мне этого не простит, прибьет ненароком. Уж я-то знаю, какой она наделена силой.

- Вам показалось, дорогая. Мы никого не ждем к обеду. Позвольте за вами поухаживать? Цесарки сегодня удивительно удались.

- Это морской окунь. Я спрашивала на кухне.

- Окунь тоже своего рода птица. Вы видели его плавники?

- Вы – шутник.

Не могу отвести взгляд от голубоватой жилки на ее горле. Хочется утолить жажду. Хотя бы просто приласкать, пройти по сосуду губами, нежно поцеловать и только потом... Вцепится в это горло зубами, не слишком нежно, напротив, решительно. Чтобы алые губы разомкнулись, а жертва моя чуточку вскрикнула. Да, именно так я в нее и войду, чтобы снова испить кровь.

Нет, не сегодня. Нельзя так. Нужно заключить сделку, уговорами, обещаниями, лестью, но выторговать согласие. Сегодня в моем скромном меню кровь тощей баронессы. Половины глотка мне будет довольно, чтоб приглушить жажду. Сразу вспомнился вкус пробной капли – приторно-сладкий, отдающий цветами. Мерзость, какой не бывает. Но что делать – плоть такова, что ее жажду необходимо унять хоть чем-то.

Я развернулся к столу, вздохнул. Дальон пристально смотрит на меня. Аня сама кладет себе в тарелку угощения со стола – вафельные раковинки моллюсков, заполненные кремом, икрой и лососем.

- Поухаживай за дамой. Если умеешь, - приказал я.

- Мне дозволяется это делать, госпожа?

- А? - Светлана отвернулась от меня, обратилась к невольнику. А ведь он красив, ничего не скажешь. И я, как будто, ревную. Вот уж не ожидал от себя.

- Мне позволено...

- Да, конечно. Кушай, что хочешь.

Не дослушала, польстилась на нежную красоту молодого мужчины. А ведь они со Светланой почти ровесники. Точней, Дальон по возрасту где-то посередине между моими дочерью и женой. Вот ведь гадство! Он с лёгкостью может претендовать и на ту и на другую. О чем я думал, когда пожалел это ничтожество? Зачем сохранил жизнь? Почему я был так добр к несостоявшемуся убийце? Кодекс явственно велит уничтожить всех, кто опасен для логова вампира. Сколько же раз я нарушал этот пункт? И вот, наконец, поплатился.

Горничная убежала в обеденный зал. Запыхалась, бедняжка, подол тербит, нервничает. Неужели суп плохо испекся? Или что там с ним делают? Бесы! Все мысли перемешались в моей голове от страсти к жене, от неимоверной ярости к Дальону! И я ничего не могу с этим сделать, только разве что уйти. Куда угодно уйти. Хотя бы даже на поиски баронессы!

- Хозяин, к нам пожаловал профессор, тот, что был вчера в доме. Он пришел сегодня вместе со своими учениками.

- Интересно, зачем. Пригласи всех к столу, еды хватит. Беседа не повредит, - про себя я подумал, что хотя бы смогу отвлечься, не придётся бежать куда глаза глядят.

Через минуту в зал вошел немолодой мужчина. Строгий сюртук, прямая осанка, за спиной трое молодых магов. Он с некоторым недоумением взглянул на Дальона, тот как раз перекладывал себе на тарелку запечённого карася, фаршированного творогом и грибами. Изысканное, недешевое блюдо. Вот только раб, сидящий за столом, смотрится чересчур оригинально.

- Господа, рад вас всех видеть в своем доме. Знакомьтесь, это Аня, моя милая дочь.

- Очень рад. Простите за неожиданный визит, - улыбнулся профессор, - Мы шли мимо вашего дома. И вот, я решил заглянуть. Занятие на нашем кладбище вышло непростым, Финсу не с первого раза удалось усмирить призрака. Там такое началось, что стыдно вспомнить. Такая жара. Я, право, устал. Хотел попросить у вас возможность пересидеть в холодке, да выпить немного воды. Резерв, увы, пуст у всех нас, даже портал открыть не сумеем. Все силы ушли на то, чтоб успокоить нечисть на кладбище. Столько ее развелось, я, право, не ожидал.

- Садитесь к столу. В моем доме всегда рады гостям. Знакомство с вами пойдет на пользу дочери. Быть может, она захочет поступить учиться годика через два. Да, года через два. Выйдет замуж, обзаведётся состоянием, а уж потом. Да и жениха по сердцу в академии найти будет легче.

- Так выйдет замуж или станет искать жениха? - замешкался профессор, а я понял, что чуть было не проболтался о своих планах. В этом мире об убийствах не принято говорить вслух. В особенности, если они и существуют только в твоих планах.

- Как сложится, так и будет, - улыбнулся ему в ответ я.

- Благодарю, вы очень любезны. Я, пожалуй, и вправду присяду. Мальчики! Займите свои места.
 Слуги принесли приборы, поспешили подать профессору холодный лимонад.

- Благодарю, - тот учтиво улыбнулся, - подожду пока немного согреется. Не стоит после такой жары пить холодное, мало ли.

Жена накрыла мое запястье своими пальцами, немного потербила. Я тут же к ней повернулся. Светлана заглянула в мои глаза, прикусила свою алую губку, будто бы хотела намекнуть на что-то, будто б сама захотела чего-то такого, о чем я и помыслить не смею. Это трепетание ресниц, вздох, вырвавшийся из декольте. Кажется, что качнулось не только оно, не только белоснежная кожа, но и мое море желаний качнулось сильнее. Вот-вот выплеснется наружу. Прямо здесь, прямо при этом профессоре. Бесы! Да что же со мной происходит! Нет сил сдерживаться, нужно бежать! Спасаться от своих собственных чувств и желаний!

- Какая любопытная иллюзия надета на вас, - качнул головой профессор.

Я только и смог, что повернуться к нему. Будто мальчишка, застигнутый у дамского будуара.

- Старый шрам. То была битва при Кортене. Не хочу пугать дам. Сегодня я стал вдвое богаче. Моя жена сделала мне роскошный подарок, привела в наш дом дочь.

- Вот как?

Жена сильнее стиснула мое запястье, все чувства поднялись во мне, обострились, готовые прорвать ту грань, которая их еще сдерживает.

- Простите, мен срочно нужно идти.

Я поднялся, опрометью бросился к выходу из дому. Нельзя оставлять логово без присмотра, когда в нем гости. Нельзя бросать жену и детей одних. Тем более в компании магов. Полон их резерв, пуст - нет до этого дела вампиру. Так гласит кодекс. Но будет гораздо хуже, если профессор поймет, кто я есть!

Глава 8

Светлана Ивановна

Я заметила, как изменился в лице Дальон. Он мгновенно выдал себя целиком, с потрохами. Такое выражение лица, эти руки, комкающие скатерть, побелевшая кожа, самый краешек ее, вокруг губ. Такими я видела уже тысячу раз своих учеников. Только обычно в их пальцах оказывается карандаш или шариковая ручка, не скатерть. Сразу ясно – случилась беда. Ученик сотворил что-то немыслимое, невероятную гадость, то, что способно на его взгляд обрушить весь мир в пропасть, подхватить и его жизнь в это морево зловещего кошмара. Как правило, все это – чушь, не стоящая ничего, кроме нервов. Измазанная тетрадь, невыученное стихотворение, двойка в четверти. Все это пройдет, никто и не вспомнит.

Но только не в случае с Дальоном. Парень умен, он уже взрослый. Кажется, к нам пожаловали непростые гости, а то и беда. Я обернулась к Анютке, вот и она тоже насторожилась. Умная у меня дочь, шалуня, проказница, но все понимает. Она отложила в сторону вилку, прокрутила в руке спелое, прозрачное от густого сока, яблочко.

Знала бы она, чего стоит раскрыть главный секрет Оскара. И никто нам не поможет. Разве что эльтем? Дину, мать этого кошмара всей школы, Дениса, здесь уважают. Если что, обращусь к ней. Точнее, если успею. Чувствую, нам всем будет нелегко. Что, если Дина откажется помогать? Вступится за меня Денис? Или не сможет? А если не захочет вступаться, такое ведь тоже может быть.

Ужас захлестнул меня целиком. Может, напрасно? Может, мне показалось? Нет. Стоит перевести взгляд на Дальона, сразу становится ясно, что на пороге дома стоит настоящий кошмар. Я быстро стиснула запястье Оскара. Тот, будто с ума сошел, не хочет меня понять, не слышит, смотрит страстно и все! Ну какой из него муж, какой защитник? Хочу раскрыть рот, предупредить его, но что я могу? Что сказать? Что Дальона трясёт? Так это и так видно.

В комнату вошла горничная. Мы ждем гостей. Теперь бежать уже поздно. Я судорожно пытаюсь вспомнить, кто был в доме тем вечером? Как вообще выглядел профессор? Кажется, то был въедливый старичок? А может, я путаю?

На пороге показался именно тот немолодой мужчина, о котором я вспомнила. А за спиной у него трое незнакомцев. И зачем Оскар их впустил? Зачем только пригласил в дом? Вот уже и Анджел держит уши востро. Я же ощущаю себя заботливой курицей, у которой полно цыпляток под крыльями и нужно защитить каждого. Да только в курятник пришла лиса.

Муж встал и ушёл. Только входная дверь в дом хлопнула. Испугался? Бросил нас всех? Вот же гад! Будь он трижды проклят на чесотку! На волосы в носу, в ушах и везде! Чтоб отstrasли до бесконечности!

Я вздрогнула. Так. Но что, если вампир, проявленный, я имею в виду, среди нас – только он? Тогда Оскар поступил верно. Взял и ушёл. По нам же ничего не видно. Я ведьма, дочь моя тоже. Наверное, но это не точно. Об Анджеле я ничего дурного не могу сказать. Клыков у него нет, да и муж говорил, что он еще не инициирован. Почти человек, наверное, никто и не заметит подлога.

- Ваш муж так быстро ушёл, - тянет профессор.

- Да, с ним это бывает.

Я улыбнулась и провела кончиком языка по губам, приоткрыла рот. Смотришь? Вот и смотри! Нет у меня клыков, нет! И у дочки нет тоже! И у сына. Сын же он мне теперь? Конечно, сын. Раз уж я забочусь о нас всех, то и о нем тоже. Вот кто мне Дальон? Предатель, выходит?

- Как интересно, - тянет профессор, никак не уймется.

- Анюта, ешь уже свое яблоко.

- Мам?

- Яблоки нужно есть сразу, - голосом я вынуждаю дочь подчиниться. По ее пухлым губам течет сладкий сок. Видны аккуратные, небольшие клычки, уж совсем не вампирские.

- И вам безразлично, что делает ваш муж кх-м после обеда? В вечернее время. Так верите супругу?

Глупая ревность, какой я никогда не испытывала, ударяет в голову. Да какого черта со мной происходит? Кто мне Оскар? Какое мне вообще до него есть дело? Он мне не настоящий муж и не любовник.

- Анджел, - произношу я медовым голосом, - Скажи, а что делает папочка после обеда?

- Гуляет по городу. Иначе ему вечером плохо спится.

- Вот и чудесно. Пускай гуляет. Мой муж точно знает, что измены я ему не прощу, - белоснежные фейерверки взрываются на кончиках моих пальцев, - Прибью.

- Кхм, - замер маг, - А что вы скажете о том, что у вас в доме видели силуэт мужчины с крыльями за спиной?

- Что я скажу? - я деланно изумилась, - Мой супруг любит эксперименты. Знаете, так бывает.

- Эксперименты?

- Разумеется. Мне всегда нравились крылатые, - я игриво провела пальчиком по губам.

- Ох, - вздохнул профессор, отпил свой лимонад.

Жаль будет, если горничная не подлила туда яду. Нет, я не жестока, но детей защитить обязана любой ценой, притом обоих. И свою дочь, и Анджела.

- А можно нам на них посмотреть? - с напором произнёс один из учеников профессора, вихрастый парень. Ох и не прост он. По глазам сразу все видно.

- Я даже не знаю, - глаза опустила, смутилась для вида.

В учительской точно была пара крыльев, осталась с какого-то праздника. Успею я открыть портал и забрать их? Мне нужна-то всего одна минута! Да где же ее раздобыть.

- И все же? - напирал профессор, - Мне было бы любопытно на них посмотреть.

- Здесь дети. Что вы себе позволяете?

- Я настаиваю. На правах советника короля. Если в городе появился хоть кто-нибудь крылатый, мы должны знать. Дело серьезное. А под личиной можно скрыть все, что угодно. Даже клыки вампира. Иначе бы почему ваш муж так быстро ушел?

Дальон резко вскочил, ухватил нож со стола, поднял его над головой, чуть не накинудся на профессора, сделал выпад.

- Я так и знал, вампир – это вы!

Анька взвизгнула, подскочила.

- Беги к лестнице, дочь! Спасайся!

Анджел встал, заслонил собой меня. Пытается сделать странный пас рукой, кажется, что у него не выходит.

- В этом доме есть только один мужчина. И я обязан сделать все, чтоб спасти женщин и наше логово.

Анька так и стоит. Я рванула к лестнице, ухватила дочь за руку. Та никак не хочет мне подчиниться. Дальон машет ножом.

- Кричи! Громко кричи! Задержи их!

Лестница, тяжёлая дверь наших комнат. Чертова саламандра, которую я скинула одним движением руки. Ящерка побежала враскорячку на своих кривых лапах в сторону лестницы. Вот я разрываю пространство. Анька кричит где-то внизу. Только бы ее не тронули!

Шкаф! Шкаф в учительской. Мне бы только выудить из него то, что нужно! Вот они, крылья! С размаху я бросила их на постель. Портал схлопнулся. В комнату тотчас вошли ученики профессора.

- Вот! Любуйтесь! Не стыдно вам? Может, еще мое бельё хотите осмотреть?

Один из парней провел над крыльями ладонью, вниз с нее сорвались странные капли, будто серебряная роса. Крылья шелохнулись, переползли по постели.

- Что вы слышали, вещь? - ледяным голосом интересуется маг. Крылья вздыхают. Произносят голосом исторички.

- Убери от меня это! Нет! Вииии!

- Сама виновата. Не такой уж он и огромный.

Я закатываю глаза. Слишком хорошо помню ту сцену. Денис принес в учительскую мыша. Завуч визжала. Сначала томно, потом громко.

- Простите, госпожа, - смутились маги. Молодых людей бросило в краску. Аккуратные пальцы на руках обоих стали дрожать.

- Вот уж нет! Я завтра пожалуюсь всем на этот произвол!

Крылья завозились на кровати.

- Хорошо, - произнесли они голосом Дениса, - Это мы ещё ладью Рюрика не видели. Вот уж где будет истинное наслаждение. Тройку она мне поставила. Ну-ну.

- Простите, этого больше никогда не повторится. Ваш раб, должно быть, сошел с ума, если заявил о вас.

- Я его накажу как следует. У меня богатая фантазия. Может быть, это поможет, чтобы больше не смел отвлекать достойных людей.

- Простите.

Маги ушли. А мне вдруг вспомнились сладкие слова Оскара. Как мягко и уверенно он их произнес, перед тем как смыться: "Сегодня я стал вдвое богаче. Моя жена сделала мне роскошный подарок, привела в наш дом дочь".

Глава 9

Оскар

Шаги гаснут в шуме толпы, гомоне улицы. Маленький уютный городок, кажется, сегодня он весь брызнул на улицу яркими каплями горожан. Все они красиво и нарядно одеты, кто-то ступает медленно, другие спешат. Я же... принохиваюсь, норовлю уловить в толпе сладкий запах женщины, особенный, привлекательный. И чувствую себя словно гурман на рынке. Мимо проносят разные блюда, некоторые из них хочется укусить, иные давно приелись.

Я всегда предпочитал выбрать то, что мне особенно придется по вкусу. Корица и апельсиновый джем – чем не дивное сочетание? Но если только добавить щепотку острого перца и чуточку морской соли, то блюдо заиграет особенно.

Так же точно и с женщинами. Их в городе много, казалось бы – выбирай! Да только мне не по вкусу простые удовольствия. Жертва должна трепетать в моих пальцах, испытывать дурманящую смесь страха и страсти. Именно эти два элемента добавляют к охоте нотку азарта. Заполучить такую жертву слаще вдвойне.

И я бессчётное количество раз оглядываюсь, озираюсь по сторонам. Все не то, все не так. Идти ли мне к дому той баронессы? Выманивать ли ее на улицу? Стоит ли игра того времени, что я на нее потрачу? Баронесса юна, ее чувства просты, примитивны, но остры. Кровь наверняка не слаще, чем вода. Что в ней может быть такого особенного?

С удивлением я вдруг обнаружил, что жажда чуть отступила. Я уже могу так часто не оглядываться по сторонам, могу думать, голоса толпы перестали казаться мне бессмысленным гулом. Я тронул рукой воротник, отошел к дому с симпатичным балкончиком. Здесь из стены бьет родник, он сделан специально, чтобы прохожие могли без стеснения утолить жажду. Широкая чаша, над ней тонкий краник, вода пенится, будто вскипает. Вон и кружка посажена на тонкую цепь, а на ее боку выбиты инициалы. Дом этот принадлежит какому-то Кольцову. Знать бы хоть, кто он. Впрочем, сути это все равно не изменит.

А еще такие фонтанчики в городе делают ради удобства водяных. Без этого особого духа родник вмиг оскудел бы. Ну, а сами водяные, как известно, весьма любопытны и шаловливы. Любят глядеть на горожан, на кареты, а еще больше любят отражаться в чаше с водой, подменяя собой отражение человека. Надеюсь, этот водяной дух хотя бы не балуется тем, что притапливает в чаше мальчишек. Такие шутники тоже есть. Нет, топят они не до смерти, так, окунают в воду по уши зазевавшегося мальчика и через миг отпускают.

Я с улыбкой поглядел на блюде, поставленное в уголок над фонтанчиком. Добрые пожелания для водяного – это дары. Конфетка, малость заварки, щепотка соли, ну и горсть княженики. Что ж, все выглядит вполне достойно.

Фух, жажда действительно отпустила. Я зачерпнул воду, немного отпил из ладони, умылся. Стало значительно лучше, будто бы я не лицо умыл, а прополоскал мозг чистой водою.

Итак, что выходит? Супруга странно действует на меня. Так что ли? Когда она рядом, я теряю контроль над собой, разум затмевает невероятная жажда. Я действительно теряю рассудок, хочу овладеть этой женщиной... Стоп! А может, дело вовсе не в жажде? Может, жена меня попросту привлекает? Столько веков прошло, а я все еще не до конца различаю эти два чувства, одно перетекает в другое и наоборот. Так может? Да нет, это глупо! Влюбиться в собственную жену, в светлую ведьму? Нет уж! Ни за что в жизни!

Я пошагал в сторону дома баронессы. Как я вообще мог думать о чем-то другом? Нужно иметь про запас немного пищи. Расположу девицу к себе, это не сложно. Поговорю с ней о делах, о погоде, сделаю несколько комплиментов, обсужу слет полка, все же совсем скоро бал.

Можно еще порассуждать о выборе платья, дамы это любят. Я шумно вздохнул. Вспомнить бы, чем бант отличается от простого рюша. Когда-то же я это знал. Точно, знал. Ну если

что, девушка мне все это как следует объяснит. Одна беда, я ничего не хочу слушать! Я хочу, как можно скорее, вернуться домой. К жене, к сыну, перебраться парой слов с дочерью, разузнать о ней побольше.

Да хотя бы чашечку горячего сбитня выпить со вкусом! И чтобы в чашке друг за другом по кругу проплывали крупные ягоды вишни, горсть специй была процежена через ситечко, а на дне сосуда непременно в хороводе кружились хвосты. Рядом со мной сядет жена, тронет за запястье и... Тогда я точно взорвусь! От желания получить сразу и все, что полагается мужу!

Представляю, что со мной сделает ведьма за одну только попытку приблизиться к ней. Впрочем? Она сама трогала меня за запястье, гладила, так может? Да нет же. Ведьма она на то и ведьма! Ей все время нужно кого-то позлить, потрепать нервы, опасно подшутить. И все же, как нежны были ее пальчики, кажется, я до сих пор ощущаю их прикосновение к своей руке. И в груди сразу нарастает смутное желание большего. Как бы оно не привело меня к чему-то дурному.

Я сам не понял, как и когда свернул на узкую тихую улочку, ведущую к дому юной баронессы. Пышное убранство балкона, всюду цветы. Вижу силуэт девушки, она читает книгу, шелестит страницами. Я громко вздохнул, девушка отложила книгу, как будто выглянула на меня.

- Денег не дам, - решительно заявила она.

- В каком смысле?

Девушка подскочила, свесилась вниз с перил.

- А, это вы? Простите, мне показалось, что к балкону подошел лепрекон. Вы же знаете этих мерзавцев.

- Ничего.

- Родителей нет дома, они уехали на несколько дней. Хотят посетить источники.

Тем проще будет стовориться - подумал про себя я.

- Вы выросли здесь?

- Ну конечно. Ужасный город, вы не находите?

- Напротив, чудесный. У него есть особенное украшение – вы.

- Что вы такое говорите?

- Позвольте я войду? Так жарко, пить хочется просто невыносимо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.